

18+ Ирина Перовская

Безумный умный мир

Ирина Перовская

Безумный умный мир

«Издательские решения»

Перовская И.

Безумный умный мир / И. Перовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-648990-5

Она — симпатичная девушка Мила, продавец книг. Он — обаятельный молодой парень Никита, фотохудожник, похожий на французского актера. Каждый из них жил в своем привычном мире, и оба считали, что так будет всегда. Но совсем неожиданно их миры пересеклись. И общими оказались всего-то два дня, но каких! И именно после них все завертелось и закружилось — похищение, расставание, бегство от всех и от себя и как награда — новая встреча, новая любовь, новая жизнь!

ISBN 978-5-00-648990-5

© Перовская И.
© Издательские решения

Содержание

Три месяца назад, март	8
Подарки, которые меняют жизнь	13
Лето, изменившее привычный мир	16
Никита – везет или не везет?	24
Такая странная эта семейная жизнь...	28
Суровая безумная реальность	33
У Никиты	41
Общение двух незнакомых,	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Безумный умный мир

Ирина Перовская

© Ирина Перовская, 2024

ISBN 978-5-0064-8990-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Холодно, очень холодно.... И еще очень больно рукам и ногам – их словно сковали. А голова буквально раскалывается от того, что внутри нее кто-то стучит в барабан. И отчаянно хочется пить. Пить, пить..., пожалуйста – воды, водички глоток!»

Девушка медленно открыла глаза и попыталась оглядеться – «где я?» И никак не могла понять и хоть что-то рассмотреть – вокруг крошечная тьма.... Что сейчас – день или ночь? Откуда-то снаружи доносится глухой шум, а внутри тишина, ни звука...

В темном и сыром помещении оказалось ужасно холодно. Что это была за комната и комната ли вообще, а может это подвал, подземелье? Девушка поежилась, потянула носом и ощутила странный неприятный запах чего-то химического, типа краски или бензина. А еще сквозь тонкую ткань платья почувствовала, что сидит на каких-то грубо отесанных влажных досках. Руки были крепко связаны за спиной. Ноги прикручены к железным прутьям или это было основание лавки, на которой она сидела? Не понять....

Внезапно за ее спиной послышался шорох, потом раздался вздох, и словно вторя ему, снаружи раздался вой. Кто? Что? Девушка, забыв о головной боли, насторожилась, прислушалась и вдруг – к ее ноге прикоснулось что-то холодное, скользкое, а затем медленно поползло вверх. «Ой, мамочки!» – мысленно вскрикнула она, и так испугалась, что от ужаса и отвращения дернулась, и, извиваясь, попыталась сдвинуться с места, но... не удалось – тело тоже было чем-то опутано, даже рот заклеен, скотчем что ли? Ни рукой, ни ногой не пошевелить. Больно... Страшно... Жутко...

«Что со мной? Как я здесь оказалась? Я в плену? Да что ж такое, в самом деле? Люди! Помогите!» Хотелось крикнуть, так, чтобы услышали, пришли, помогли освободиться. Ну, хоть кто-нибудь! Но у нее получилось лишь простонать.

Правда стон прозвучал громко и его видимо услышали, потому что за стеной этого странного места вдруг раздалось некое шуршание и стук. Затем заскрежетало железом (похоже на проворачивание ключа) и вслед за этим заскрипело – словно кто-то пытался открыть дверь. Неужели помощь? Пленница, напуганная до полусмерти, напряглась, сконцентрировалась во внимании на той стороне, откуда доносился шум, и замерла в надежде, сдерживая дыхание. Спина противно задрожала от напряжения, по лицу ручейками скатывался пот, но она старалась даже не моргать, чтобы не пропустить, расслышать, рассмотреть того неведомого спасителя, который снаружи сейчас открывает дверь.

Дверь приоткрылась, стало чуть светлее, но растерянная и испуганная девушка вздрогнула от напряжения, и почувствовала, что волосы на ее голове словно зашевелились от страха – на ее плечо опустилась чья-то рука...

Волной накатила паника – в дверном проеме она никого не увидела, никто так и не вошел, зато она услышала, как кто-то над ее головой произносит, шепча прямо ей в уши – тихо, протяжно, завывая леденящим кровь голосом:

– Ми-и-ла-ааа.... Милая...

Её кто-то настойчиво звал по имени...

«Фу ты, ну и хрень», – передергивая плечами, подумала Людмила Николаевна, прочитав текст и закрывая книгу, которую она держала в руках. Мила считала себя девушкой воспитанной и, обычно, она даже мысленно старалась не ругаться, и не использовала в своей речи бранных слов. Но тут не выдержала, сорвалось.

Эту книжную новинку, поступившую в их небольшой книжный магазинчик, продавец Мила – молодая стильная тридцатидевятилетняя современная женщина (все называли ее просто «Милка»), только что наугад сняла с книжной полки, чтобы ознакомиться с содержанием. И возмутилась:

– Неужели это кто-то читает? Бред какой-то! Писатели напридумывают, а впечатлительные дурочки читательницы верят во всю эту ерунду?! Нет, нет, в обычной и реальной жизни так не бывает. Ну, уж во всяком случае, в моей-то точно не будет, никогда!

– Людми-ииии-ла, ты где? – раздался вдруг за ее спиной чей-то визгливый голос, и Мила Николаевна, превращаясь в молоденькую пугливую девушку Милку, вздрогнула от неожиданности и даже головой тряхнула, отгоняя свой невольный испуг и мысленно себя успокаивая:

«Это же просто совпадение, что героиню в книге ужасиков, звали Мила также как меня. Ну, так что ж с того? Чего я испугалась, как маленькая? Это в книге неизвестно кто шептал: „Мила, милая“, а сейчас меня просто зовет реальный знакомый человек – всего лишь заместитель нашего директора (и по совместительству – его жена!). Только она, единственная из всех сотрудников, может так произносить мое имя – протяжно, пронзительно, словно высверливая дырку в моей голове».

За такие голосовые способности эту мадам в их магазине за глаза все называли «Дрель», хотя имя у нее было вполне человеческое – Антонина Ивановна. Но прозвище приклеилось намертво, и все работники небольшого книжного магазинчика так к нему привыкли, что даже опасались, как бы невзначай не оговориться и не назвать Антонину именно вот так – Дрелью. Потому как такое второе имя уж очень ей подходило и соответствовало ее сущности!

Антонина выглядела дамой неопределенного возраста, средней внешности, с худой фигурой, с хищным выражением глаз, тонко сжатыми губами и вечно недовольным выражением на бледном лице. А вдобавок обладала противным визгливым голосом. На вид ей можно было дать как пятьдесят лет, так и все шестьдесят – в зависимости от ее настроения и состояния души (хотя сотрудники сомневались, что душа у Дрели вообще имеется!), потому что их Дрель постоянно находилась не в духе. И это было ее обычное состояние – ее все раздражали и всё раздражало. Особенно молоденькие сотрудницы их магазинчика. Судя по всему, Антонине отчаянно хотелось быть такой же юной, и она настолько болезненно относилась к своему возрасту, и до такой степени нагло заявляла всем о том, что ей якобы недавно исполнилось тридцать пять, что все вокруг притворялись, будто бы верили ей на слово. Себе дороже не верить! И каждый мечтал хоть одним глазком заглянуть в паспорт Дрели, чтобы удостовериться в обратном и иметь секретный компромат на эту особу, ну так, чисто из любопытства или для использования добытых сведений в самых крайних случаях, для собственной защиты от нее «любимой». Хотя, разумеется, никто бы не помышлял как-то спорить или боже упаси, схлестнуться с этой дамочкой на поле боя. От таких неприятных и опасных в своей непредсказуемости людей хотелось держаться подальше, а лучше бы и вовсе не пересекаться.

Милка старалась работать так, чтобы совершенно не попадаться жене директора на глаза. Утешало только одно – что Дрель не каждый день радовала коллектив своим присутствием в магазине, она себя берегла и не перетруждалась работой, но появлялась всегда неожиданно, как смерч, снося все на своем пути. Вот и сейчас явилась внезапно и куда деваться, если барыня сама сию минуту требовала явиться к ней «пред ясные ее очи»? Разве такой злыдне откажешь? Она из-под земли достанет!

Да, пришлось Миле Николаевне подчиниться, отбросить нежелание, покинуть этот укромный уголок магазина, расположенный за книжными стеллажами, в котором она, уеди-

нившись, только что читала очередной «шедевр» неведомого автора. И, не раздумывая, следовать, словно глупая мультяшная крыска на звук волшебной дудки Нильса, с той лишь разницей, что Милка – не крыса, а на дудочке играет вовсе не сказочный мальчик Нильс, а злая колдунья Дрель.

Три месяца назад, март

Утро обычного вторника в семье Назаровых – Милы и Влада – начиналось тоже весьма обычно: мирно, спокойно, размеренно. Безмятежно и без особых эмоций. Буднично. Повседневная привычная рутина, на первый взгляд одинаковая для них двоих. Но каждый в это утро думал о своем и, причем – о разном.

Мила, по случаю начавшейся весны надела новый спортивный костюмчик светло-сиреневого цвета, завязала отросшие за зиму шоколадного цвета волосы в высокий хвост, бодро приготовила мужу завтрак и уже стоя у плиты, помешивала кофе в турке и притоптывала в такт музыке, доносившейся из ее наушников.

Сегодня у нее было прекрасное настроение, и она предвкушала, что вот сейчас муж уедет на работу, она останется одна в квартире и... – включит музыку на полную громкость и с удовольствием потанцует! Одна! Да, именно так! Пока никто не видит! Полная свобода движения, раскрепощения и драйва! И никто не будет усмехаться и снисходительно поглядывать на нее, критикуя ее дилетантские неумелые движения. А муж почему-то именно любил критиковать, и никогда не хвалил, ни разу, хотя все считали, что Мила с ее пластичностью очень красиво двигается в танцах. Но сам Влад танцевать не умел и не любил, видимо поэтому, и Милкиных увлечений не разделял. Так что ж теперь, отказывать себе? Ну, уж нет!

На календаре весна! Душа и тело требовали движений и праздника, и молодая женщина в это утро собиралась этот маленький праздник устроить для себя. А чем еще заняться? В квартире идеально чисто – ни соринки, ни паутины! Белье постирано, отутюжено и сложено в аккуратные стопки в шкафу. Обед из трех блюд вчера приготовлен, на целых два дня! Даже торт накануне испекла по случаю начала весны – вон он стоит в холодильнике, нетронутый.

Утренний ритуал по исполнению супружеского долга (так в шутку Влад называл их занятия любовью!) они с мужем сегодня исполнили. Все прошло как обычно, без особых страстей, привычно. Милка мысленно усмехнулась: секс, как по расписанию – раз в неделю! Обязанности друг перед другом исполнены, значит, на целую неделю можно о близости позабыть. Муж целыми днями опять будет пропадать на работе, он совершенно перестал уделять внимание ей, как жене. Чем еще заполнить день скучающей молодой безработной женщине, чтобы прогнать собственную грусть и не скатиться к депрессии? Как разнообразить жизнь, когда все движения, слова и поступки давно уже вымерены до мелочей и заранее известны на сто шагов вперед?

Шить, вязать и вышивать – надоело, всё уже давно освоено и не приносит былого удовлетворения. Рисовать? Тоже не ново – за последние пять лет, пока посещала художественную школу живописи, столько картин написала, что уже вешать негде, все стены в квартире ими заняла, несколько штук у нее купили за символическую плату, остальные друзьям раздавала. Можно было бы, конечно, еще и спеть что-нибудь веселое и бодрое, типа маминой любимой «Нас утро встречает прохладой!» (она хмыкнула, представив себе, как в ужасе вытянется у мужа его лицо, если вдруг его жена затянет эту песню!), но петь Мила не умела (к счастью для Влада!). Что остается? – только танцевать!

Она скосила глаза в сторону мужа – не заметил ли он ее ухмылки? но Влад, ее муж, гладко выбритый, благоухающий парфюмом, облаченный в деловой офисный костюм из-под которого виднелась белоснежная рубашка, тщательно отутюженная Милкой, сидел за столом в кухне-гостиной и с невозмутимым видом заканчивал завтракать, в ожидании, когда жена подаст кофе.

Из расположенного на стене телевизора дикторы что-то радостно вещали, настраивая зрителей на мажорный лад – такая уж у них была нелегкая и ответственная работа – поднимать россиянам настроение в это непростое для страны время. В уютной, современной и стильной кухне Назаровых было чисто, тепло, вкусно пахло кофе и выпечкой. На столе на круглом широком блюде привычно радуя глаз, выложены горкой фрукты самого разного вида и цвета – ман-

дарины, киви, бананы, гранаты, яблоки. В прозрачной высокой вазе стояли веточки, на которых проклюнулись нежные молодые зеленые листочки – Мила в конце зимы всегда приносила с улицы срезанные ветки сирени или вербы и ставила их в вазу на окно, поближе к солнышку, чтобы те просыпались и к марту выпускали листья и зеленоватые соцветия. В квартире сразу же начинало пахнуть весной!

Мелочь, а так радует глаз! Такое создание интерьера на кухонном столе Мила называла «атмосферным» и стремилась всегда его организовывать, в любое время года – весной зеленые веточки, осенью желтые и красные листья, зимой еловые ветки, летом цветы – новизна в эмоциях как для своих близких, так и для себя и даже внутри себя. И хотя Влад снисходительно хмыкал, оглядывая ее очередную инсталляцию, она не отказывалась от своих порывов – украшать мир, в котором жила. Ей было комфортно так жить, чувствовать и творить, именно в такой уютной, внешней и внутренней обстановке. И начинать утро она привыкла именно с их уютной кухни.

Мила любила создавать свой собственный стиль, который сама придумывала. А еще она не разучилась мечтать, и ей до сих пор тайно хотелось, чтобы у них в квартире находилась еще и кошка – ласковая, грациозная, трехцветная! Ну, или кот – полосатый, упитанный, важный. Но мужу домашние животные не нравились, и кота он приобрести категорически отказывался, и Милка, вздыхая, отодвигала свою мечту «на когда-нибудь потом». Типа на старость! Но мечтать продолжала – а вдруг Влад возьмет и согласится, и позволит завести котенка, и тогда у Милы появится пушистый мурчащий друг?! И ей не будет так скучно и одиноко целый день находиться в четырех стенах их уютной и современной, атмосферной квартиры.

Пока была жива мамина старинная знакомая, та приятная эпатажная старушка Нинель Султановна, у которой жили две пушистых кошки, Мила ходила к ней в гости, помогала по хозяйству и с удовольствием возилась с ее питомцами. Мамуля несколько лет назад упокоилась после смерти папы, встряхнулась и неожиданно вышла замуж, а потом и вовсе уехала жить к новому мужу, в Канаду, а эту Нинель «по наследству!» передала дочери, вот Мила все эти годы и поддерживала отношения с эксцентричной дамой.

Квартира Нинель находилась в одном из старинных купеческих особняков Ярославля и была словно музей, напичкана различными старинными вещами, которые Мила, приходя в гости, так любила рассматривать. И несмотря на то, что у Милы было достаточно своих подруг и приятельниц ее возраста, она очень подружилась с этой образованной и эмоциональной пожилой женщиной. С Нинель было интересно! Она столько знала! С ней они вели неспешные разговоры обо всем, и порой, под настроение, с юмором обсуждали мужчин (у старушки имелся богатый опыт в мужском внимании, и ей было о чем рассказать благодарной слушательнице и чему научить!). Да, таких людей, как Нинель, просто так судьба не посылает на пути и Мила дорожила их дружбой. Но в начале зимы Нинель умерла, Мила очень горевала, чем могла – помогла тогда ее приехавшему племяннику в организации похорон, затем пристроила осиротевших кошек знакомым «в хорошие руки» и затосковала. С уходом Нинель что-то ушло и из жизни Милы.

Она, навещая Нинель и ее кошек, привыкла к такому человеческому и кошачьему общению, а привычка, как мы все знаем – это вторая натура. Нам трудно менять то, к чему привык. «Привычка свыше нам дана, замена счастию она», – образованная Нинель частенько цитировала ей Пушкина.

«Новых друзей взамен Нинель, так просто не обретишь, но почему бы не попробовать подружиться с кошками?» – размышляла Мила. И, спустя какое-то время, компенсируя часть того, к чему привыкла – она, тайком от мужа, частенько среди бела дня, пока Влад был на работе, начала посещать приют временного содержания четвероногих друзей, помогала там ухаживать за кошками, приносила для них корм, оставляла небольшие суммы (сэкономленные на хозяйственных расходах) на поддержку животных. И такие походы стали ее маленькой

тайной, и той отдушиной, пусть и небольшой, но ощутимой, которая не позволяла унывать и черстветь ее сердцу. Мила не врала мужу о своих походах в приют, она просто умалчивала, не договаривала, не хотела, чтобы он злился на нее, и не желала, чтобы он считал ее глупой и недалекой теткой, у которой на уме лишь коты.

Почему-то настоять на своем желании, капризно потребовать у мужа котенка для себя – такая мысль ей даже в голову не приходила. Она даже не представляла, как это – капризничать и требовать чего-то, зачем? Она ведь взрослая и самодостаточная женщина, а не капризная девчонка, она в семейной жизни привыкла больше отдавать, чем получать, так что для себя оставляла совсем малую часть желаний и никогда ни о чем мужа не просила. Да и как можно о чем-то просить? Влад умный, он сам знает, что нужно для их семьи и сам всегда принимал важные решения. А вся энергия Милы уходила на заботу о муже, на создание лично ему приятной и удобной жизни. А как иначе? Она ведь вышла замуж за Влада совсем молоденькой студенткой, которая ничего не умела, и все тяготы материального обеспечения всегда лежали на муже, поэтому какие там просьбы.

Она так старалась быть и хорошей хозяйкой, и надежным понимающим другом, и верной любящей женой с самого первого дня их семейной жизни, еще со студенческих времен, как уехала из Москвы к нему, в Ярославль, так и осталась навсегда. Даже на работу не вышла после университета и рождения дочери (временная работа в виде дипломной практики не в счет), застряла на этом уровне, осталась навсегда в статусе жены, мамы и домохозяйки.

Она так мечтала стать для мужа незаменимой, что видимо даже несколько перестаралась, он к этому просто привык и снисходительно принимает ее заботу. Но, нужно признать, что Влад ценит ее старания, он, разумеется, всегда и всем вокруг говорит о жене только хвалебные слова. Мила в этом не сомневается, ведь муж такой высокоморальный и заботливый семьянин. Ей даже подруги завидуют и всегда говорят: «Счастливая ты, Милка, вон какая у вас любовь!».

Кто спорит, это приятно конечно, что так о них думают окружающие, но сама Мила давно поняла, что никакой особой любви между нею и мужем давно нет – любовь растворилась, на ее место поселились привычка и ответственность. Ну что ж, так многие живут и в разных семьях по-разному складываются отношения, с этим не поспоришь, но Миле не было дела до того, как там живут другие. Ее больше заботило и напрягало то, как распределились роли в ее собственной семье и постоянно находиться на вторых ролях, в виде заботливого обслуживающего персонала, в последнее время Миле, почему-то давалось с трудом. И где оно это женское равноправие? Опять, как обычно, от первобытного общества до наших дней – во всем и всегда рулят только мужчины...

«И чего разворчалась? – мысленно одернула она себя, помешивая кофе в турке, – всё же хорошо. Вроде бы». Но почему тогда разглядывая себя в зеркале ванной по утрам, она порой стала замечать, что в глазах поселилась тоска. Но может быть это ей и показалось...

Влад, завтракая и поглядывая по сторонам, машинально отметил в своей голове, что жена до сих пор не растеряла желания заботиться об уюте и комфорте. И этот окружающий его уют и комфорт Влад в это утро эгоистично применял сугубо к себе, любимому. И мысленно усмехаясь, размышлял: да, чего там притворяться, повезло ему с женой! И как ей только не лень радовать других, создавая приятную атмосферу в квартире?! Хотя и не работает уже несколько лет, могла бы превратиться в унылую бабу, перегореть, лениться по утрам, но ведь просыпается, встает даже раньше Влада, готовит что-то вкусное ему на завтрак и, улыбаясь, провожает на работу. Впрочем, так у них в семье было всегда, он признавал, что привык к такому поведению своей неконфликтной и заботливой жены, это придавало уверенности как в сегодняшнем дне, так и во всех последующих. Стабильность – это прекрасно.

Настроение у сорокалетнего, холеного с виду мужчины, в это утро было великолепным. Ну а с чего бы ему было грустить? На работе дела шли весьма и весьма успешно, пугающие

санкции недружественных стран пока еще не коснулись его бизнеса, связанного с поставкой канцтоваров, и даст бог – и в дальнейшем обойдется без потрясений. Со здоровьем тоже все в порядке – это радовало и бодрило. Сегодняшний качественный утренний секс с женой тому подтверждение! И женским вниманием он не обделен. И свой сорокалетний мужской возраст Влад давно перешагнул, словно играючи – даже не заметил, когда появилась первая седина на висках. Это его абсолютно не беспокоило, а наоборот, позволяло с юмором заявлять, что его седина не означает обязательное наличие беса, а наоборот, свидетельствует о жизненном опыте, доказывает собственную стойкость ко всем этим надуманным и навязываемым глупым стереотипам, якобы, коль пришла мужчине седина в бороду, то бес, непременно поселится в ребрах!

«Нет и нет – всё это глупости, – уверенно заявлял Влад всем вокруг. – У нас длительные и прочные супружеские отношения, крепкая семья, взрослая дочь студентка, Стабильно, надежно, качественно – чего и вам желаем!»

Ну а то, что сам слегка «раздобрел», набрал жирку на животе – это так, ерунда, мужик и должен быть в теле, а не выглядеть как худосочный подросток! Это пусть жена вон на диетах своих сидит! В очередной раз, мысленно так подумав, он хмыкнул, сам себя похвалил за собственный оптимизм, и с одобрением оглядел стройную невысокую фигурку жены, которая к своим неполным сорока выглядела вполне ещё ничего. И после двадцати лет семейной жизни, сохранила в себе женственность, даже по утрам умудрялась радовать своим видом его взыскательный мужской взгляд. И с годами ни характер у его Милки не испортился, ни ум не притупился – всё та же – спокойная, воспитанная, тактичная, нетребовательная, покладистая. «Да, повезло! – сам себе кивнул Влад и так вдруг обрадовался своему везению, что от полноты чувств, неожиданно даже для себя самого, решил порадовать и свою жену:

– Что бы ты хотела получить к празднику Восьмое марта, дорогая? – улыбаясь, спросил Влад, намазывая горячий тост мягким сливочным сыром.

Милка в это время поставила перед ним чашечку с ароматным кофе, а услышав его слова, замерла на миг, удивленно взглянула на мужа и, сама от себя не ожидая, смело выпалила:

– Я бы хотела выйти на работу! – она сказала и испуганно прижала сложенные ладошки к груди.

– Вот как? Оригинальное желание! – изумленно воскликнул Влад, на время даже позабыв о своем завтраке, но тут же взял себя в руки: – Впрочем, ты всегда поражала меня своей непредсказуемостью и импульсивностью, – снисходительно добавил он, и усмехнулся, глядя на то, как покраснела его жена.

Он машинально пил кофе, жевал свой тост, а сам размышлял о том, что его жена, видимо, засиделась дома, постепенно и незаметно всё же превратилась в клушу-домохозяйку. Интересно, чем она занимается целый день? С подругами по телефону болтает? Сериалы свои дурацкие смотрит? Или спит? Ему-то в принципе все равно, чем она свое свободное время заполняет, но все-таки... Того и гляди перестанет за собой следить и превратится в унылую серую тетку.

«Бр-р, только не это. Рано, рано. Ей ведь только осенью сорок будет, хотя наша взрослая дочь в любой момент может объявить о том, что собирается родить нам внука, а дуреха Милка от доброты душевной взвалит на себя все тяготы по уходу за малышом, переключит свое внимание и тогда прости-прощай моя устоявшаяся стабильная и комфортная личная жизнь. Нет, в самом деле, нужно организовать жене выход на работу. Пусть отвлечется-развлечется, окупнется на короткое время в свои трудовые проблемы, перестанет думать только о доме, о быте, о кошке мечтать. Да и мне станет посвободнее, не будет такой унылой подотчетности – где я, с кем я, во сколько буду дома. Или жена, наивная дурочка, считает, что она у меня единственная? – он хмыкнул и еще раз с пристрастием оглядел фигурку своей жены. – Так, решено! Организую ей подобной подарок, чего уж там!»

Приняв такое мужское решение и гордый от своего великодушия, Влад пообещал жене, что постарается подобрать для нее несколько вариантов, чтобы она их рассмотрела и остановила свой выбор на приемлемом для нее занятии. Получив от благодарной Милки радостный всплеск руками и признательный поцелуй, мужчина почувствовал свою щедрость и важность, что значительно повысило собственную самооценку. Приятно чувствовать себя эдаким барин-благодетелем!

А затем, одеваясь в прихожей и принимая из рук улыбающейся жены свой стильный кожаный портфель, снисходительно кивнул ей на прощание, снял с полки ключи от автомобиля и весьма довольный собой и так удачно начавшимся хорошим днем, покинул их уютную квартиру.

Он отправился на работу, в свою собственную фирму – руководить, блистать и получать все те радости, что доступны мужчинам такого прекрасного зрелого возраста, как сорок с лишним лет.

А Мила, проводив мужа, перехотела танцевать, а забралась с ногами на широкий подоконник, удобно устроилась там, на мягком стеганом матрасике, прижалась лбом к стеклу и, прикрыв глаза, немного помечтала о своей будущей жизни – как она будет выглядеть в роли работающей женщины где-нибудь непременно в современном офисе.

«Прекрасно! Я – выйду на работу! Долой добровольное уютное домашнее рабство! Хоть и хорошо дома, но... надоело! Ой, у меня же совершенно нет подходящей одежды для такой будущей работы. Так, нужно немедленно купить юбку до колен и несколько офисных блузок. Да, точно. Нечего рассиживаться, побегу-ка я по магазинам, пока время есть, выберу новую одежду не торопясь, со вкусом. Как там дочь говорит – „только лучшее в нашу жизнь, мы это заслуживаем“?! Точно! Так и поступлю – только самую лучшую, женственную и непременно модную! Зря я, что ли столько лет работала служанкой, кухаркой, прачкой и носила одежду в стиле „нормкор“? Несомненно, я – заслужила лучшей жизни!»

Подарки, которые меняют жизнь

Спустя неделю, Влад, поздравляя Милу с Международным женским днем, как и обещал, вручил жене вместе с обязательным ежегодным букетом цветов еще и список того, из чего она могла бы выбрать себе род будущих занятий.

Милка, затаив дыхание, жадно пробежала глазами весь отпечатанный на принтере лист сверху донизу, затем удивленно взглянула на мужа, вздохнула и уже более внимательно, не торопясь прочла еще раз. Она очень старалась не показать мужу, наблюдавшему за ее эмоциями, как именно она отреагировала на такой его «подарок». Ей не хотелось огорчать мужа, ведь он так старался, хотя, честно говоря, Милка слегка подвисла от собственных чувств, ощутив себя допотопным устаревшим компьютером.

А все дело было в том, что список того, кем в представлении Влада могла работать его жена, был весьма примитивным. «И это вот в таком статусе он меня рассматривает? Я что настолько низко пала в его глазах? Он вовсе не принимает всерьез ни мое университетское образование, ни мою специальность экономиста, ни мою эрудицию, ни мой возраст, в конце концов? Я что, настолько постарела и стала никчемной и неинтересной лично для него и, в целом, бесполезной для общества?» – размышляла она, отчаянно пытаясь владеть собой и надев на лицо привычную дежурную улыбку, вымеренную и закаленную за долгие годы брака, стараясь не хмуриться и ни в коем случае не позволить себе заплакать. А расстроиться было от чего...

Она наивная, надеялась, что муж предложит ей место для работы в его собственной фирме, в головном административном офисе, оформит ее своей помощницей. Она бы очень старалась и никогда и ни в чем бы его не подвела! Они бы работали на одном этаже, обсуждали возникшие проблемы и вместе преодолевали трудности. Вдвоем! Как партнеры, единомышленники, друзья. Тогда они могли бы чаще видиться, могли бы даже вместе, как сотрудники, отправляться порой в кафе на ланч, или, держась за руки, прогуливались бы в перерыве по уютному скверу. Но нет.

Такое маленькое слово «бы», а сколько от него препятствий.... Если бы да кабы....

А оказывается, он предлагает ей вот такую работу: администратора в парикмахерском салоне, библиотекаря в соседней с домом детской библиотеке, консьержа в многоквартирном доме, расположенном в паре остановок от их квартиры, или вообще, догситтера – выгуливать собак в течение дня.

Мила, обладая буйной фантазией, тут же представила себя в таких должностях во всех подробностях и деталях:

– вот она, закутавшись в шаль, сидит в тесной каморке, под лестницей и строгим недобрым взглядом поверх спущенных на нос очков провожает тех, кто входит в подъезд. Ужас какой! Она же не носит очки, откуда родилась в её голове такая картинка? И шаль...

– или вот она в дождевике-балахоне бежит под дождем за огромной собакой, ухватившись за поводок и пытаясь ее выгулять. Собаки – это же не коты.... Они же громадные и свирепые, они же и утащить могут за собой, их не удержишь.... Милка тут же представила себе, как собака дергает поводок, бамс – и Мила уже валяется в грязной луже. Пфф.... Неужели это можно назвать работой?

И лишь один пункт из всего списка выглядел более-менее приемлемым – продавец книг в небольшом частном книжном магазине. Мила поразмыслила, проанализировала, вздохнула и остановилась на этом варианте.

Муж на ее выбор отреагировал вполне лояльно, одобрительно кивнул и на эту тему в тот вечер они больше не говорили. Он не считал нужным вдаваться в подробности, а Милка постеснялась любопытничать у него, чем ей предстоит заниматься в этом магазине. А так хотелось

поговорить, ммм..., так хотелось! но Влад уткнулся в свои газеты и всем своим видом показал, что он занят. «Ну и ладно!» – как обычно успокоила себя молодая женщина, стараясь не обижаться.

Она просто воодушевилась грядущими переменами в своей жизни, настроилась на будущую работу, спешно привела в порядок домашние дела (которые и так были в порядке) и уже через пару дней отправилась по указанному в списке адресу на собеседование с директором этого магазинчика – Семеном Семеновичем. Ей не терпелось поскорее оказаться в том месте, куда она будет ежедневно отправляться из надоевшей квартиры, словно в путешествие – на работу!

Собеседование оказалось формальным – муж и тут все решил, заранее обговорив с директором – этим толстеньким и добродушным пятидесятилетним мужчиной все условия ее будущей работы, вплоть до трудового графика и даже размера заработной платы.

Магазин был небольшой, занимал три маленьких смежных комнаты и располагался на первом этаже современного жилого дома, который находился в живописном районе их города Ярославля. Коллектив, соответственно, тоже оказался невелик – кроме директора Семена, его заместителя Антонины (и жены по совместительству!) в этом магазине еще имелись три продавца, они же, совмещали в себе обязанности уборщиков и грузчиков. Ими оказались – две молоденькие смешливые девушки-студентки Таня и Оля – консультанты в отделе детской литературы и женских любовных романов, и серьезный парень Федор в толстенных очках, который отвечал за канцтовары и техническую литературу. Продавцы работали по графику, поочередно, а по необходимости, заменяли и подменяли друг друга. И все вместе, одновременно встречались и пересекались в магазине всего один-два дня в неделю. В такой «общий» день Семен Семенович обычно проводил планерку. Это устраивало всех. В итоге собеседования Мила в тот же день была оформлена временно четвертым продавцом, по такому же скользкому расписанию на неполный рабочий день, и автоматически превратилась в Людмилу Николаевну – продавца консультанта тех книг, что были представлены в этом небольшом уютном магазинчике.

Работа Милке неожиданно понравилась, от нее требовалось всего-навсего – быть в курсе поступающих новинок, красиво и привлекательно расставлять их на стеллажах и полках, и суметь убедить заглянувшего покупателя обязательно купить книгу в их магазине, и желательно не одну! Заработная плата Милки на пятьдесят процентов зависела от продаж, а это, согласитесь, было мощным стимулом.

Мила никогда в своей жизни ничего не продавала, но тут пришлось постараться! А для этого потребовалась и собственная эрудиция, и коммуникабельность, и терпимость в общении с самыми разными покупателями. А еще необходимо было разбираться во всех направлениях и жанрах, того сегмента, который за Милкой закрепили – детективы, триллеры и... классическая литература – вот такой несочетаемый винегрет! Ну, с классикой Милке было все просто и понятно, в ней она великолепно разбиралась, потому что еще со школьных времен много читала, а вот с ужасиками был пробел...

Для того чтобы быть в теме, не попасть впросак и не выглядеть в глазах любопытных и дотошных покупателей полным профаном, ей пришлось чуть ли ни ночами читать горы книг и знакомиться с подобной литературой. Сначала было непривычно, неудобоваримо, потом она наловчилась читать, что называется «по диагонали», выхватывая суть и особо не вникая в сюжет. Иначе от подобных книжных историй можно было бы сойти с ума – такого количества бреда, как в триллерах и ужасиках Милка давно не встречала в художественной литературе. «Раз такие книги печатают, значит, они кому-то нужны», – старалась убеждать она себя, но несколько разочаровавшись в российском книгоиздательстве. А куда деваться, сама ведь выбрала эту работу, хотела вырваться из дома в социум, вот и не стоит теперь роптать!

«И учись-ка, милочка, справляться!» – в стиле «а-ля-Нинель-Султановна» приказывала она сама себе.

Да и в глазах мужа не хотелось выглядеть растерянной неумехой, а наоборот, она намеревалась показать себя с самой лучшей стороны, доказать Владу, что его жена не только стирать, убирать, готовить отлично умеет! А и на работу ходить, как все нормальные молодые успешные женщины ее возраста. И по дому все успевать, и, при этом, выглядеть прекрасно. Да, чего там скрывать, синдром отличника давно и прочно сидел внутри Милкиной головы, она никак не могла избавиться от такого собственного поведения и привыкла все и всегда выполнять «на отлично». Так что придется и на этой временной работе продавца книг тоже постараться. А там, глядишь, муж изменит свой угол зрения и рассмотрит, насколько она ценный работник и пригласит ее к себе, в свою фирму, но уже по Милкиной специальности, указанной в ее дипломе – экономистом!

Вот примерно такой настрой она сама себе задала! И неожиданно увлеклась, появился энтузиазм, и возникло самоуважение, и даже гордость, пусть малюсенькая, но проросла! И улыбаться Милка стала чаще, и шутить, и даже кокетничать научилась с покупателями-мужчинами! А что такого? Ей ведь нужно увеличивать объем продаж, а вслед за этим, как следствие, возрастет и прибыль магазинчика и как результат – ее собственные доходы, которые пока, к сожалению, были весьма скромными! Молодая женщина включила в себе забытые навыки экономиста и «засучив рукава», энергично принялась реализовывать товар, то есть книги. И ведь получалось! Семен даже несколько раз при всех похвалил ее энтузиазм! Приятно!

И в таком ритме Милка, то есть, простите – теперь уже Людмила Николаевна! прожила всю весну, а прохладная весна как-то незаметно вдруг закончилась, и наступило долгожданное теплое лето.

Лето, изменившее привычный мир

Как же хорошо начиналось для Милки нынешнее лето!

Во-первых, погода в их городе Ярославле наладилась, дожди и холода отступили, выглянуло солнце и все вокруг ожило, засверкало, зацвело, зажужжало, защебетало, заулыбалось – именно в таком сочетании молодая женщина (которая всё еще уверенно отзывалась на обращение «девушка»!) воспринимала то, что ее окружало в это утро, когда она направлялась на работу! На свою, ставшую привычной и уже почти полюбившуюся, работу продавца книжного магазина!

Во-вторых, у Милки досрочно закончился испытательный срок временной работы стажером (вот смех-то в ее тридцать девять иметь статус стажера!), и она стала полноправным, равноправным и постоянным членом их небольшого трудового коллектива. Полноценным винтиком в едином механизме российской книжной торговли! И у нее появилась трудовая книжка, а еще уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. А это, согласитесь, весьма немаловажное ощущение, особенно в наше нестабильное и неустойчивое тревожное время.

В коллектив магазина она вписалась легко и непринужденно.

И с коллегами Таней и Олей она подружилась и те стали обращаться к ней уже не так официально, по имени-отчеству, а запросто – Милка. И даже в кафе она с девушками несколько раз ходила, где они пили кофе, ели пиццу, и вместе одинаково хохотали над понравившимися шутками. И новинки моды на новый сезон они успели обсудить. И разобрали по косточкам очередного Олиного бойфренда, попутно поделившись друг с другом – какие именно качества им троим нравятся в молодых мужчинах. И вообще, нашли много одинаковых точек соприкосновения, и по-дружески выручали, когда в их магазине появлялся занудный покупатель, и даже замещали друг друга, вне графика на работе, ну – в случае необходимости.

А разница в возрасте вовсе была не главной и не являлась помехой их женской дружбе. Что такое возраст? – лишь некая дата в паспорте, подумаешь! Главное – как ты сам относишься к жизни, к людям, что несешь во вселенную – добро или зло, любовь или ненависть. От этого и возникают точки соприкосновения и притягательности. Мила обладала такой притягательностью, она и сама тянулась к тем людям, которые ей были близки по состоянию души и мировоззрению.

А Федор, третий продавец, так вообще оказался приятным и легким в общении парнем. Он столько знал и так интересно и доходчиво рассказывал о сложном мире техники, что Милка была ему искренне благодарна за полученные знания. Он не умничал и не задира нос, а и сам не стеснялся задавать вопросы Миле на тему организации своего быта. Совсем недавно парень переехал в съемную квартиру, пытаясь жить отдельно от родителей. Ну и, разумеется, чтобы в их глазах выглядеть взрослым, самостоятельным и независимым – ни о чем тех не спрашивал, боялся, что станут ругать, стыдить или укорять. А с Милкой без стеснений советовался по любому вопросу. Например – Как отстирать джинсы, на которых, после игры в футбол, появились пятна от зеленой травы? Что можно приготовить из обычных макарон, чтобы получилось вкусно, недорого, а главное – много? Что лучше подарить девушке на первом свидании – умную книгу или все-таки бесполезные цветы?

Милке этот дружелюбный и открытый парень очень нравился своей непосредственностью, и она не пыталась изображать из себя снисходительную всезнающую мамочку и не строила из себя опытную и мудрую черепаху, она просто и без нравоучений делилась с парнем всем тем, чему и сама в свое время научилась от других людей. И предлагаемые ею советы были простыми и легко выполнимыми. Она, общаясь сейчас в магазине с молодыми коллегами, словно заново окунулась в свои юные студенческие годы, в ней проснулось собственное любопытство и жажда познаний, и они с Федором в перерывах между покупателями (и, разу-

меется, в отсутствии Дрели!), частенько обсуждали те или иные вопросы, непонятные Милке или недоступные Федору.

Кстати, и с Семеном Семеновичем, их директором у Милки сложились, вполне, корректные, даже доброжелательные отношения. Она уважала его как опытного, спокойного руководителя, а он ценил в ней образованность, воспитанность, вежливость и юмор.

Ну а с Дрелью, его женой Мила просто старалась вовсе не контактировать и как можно реже попадаться ей на глаза. Вот с ней-то у Милы не было не единой точки соприкосновения и притяжения. Таких людей хотелось обойти, чтобы даже не коснуться невзначай, рассматривать их со стороны, ну типа как мы наблюдаем за змеями или тараканами – на расстоянии. Хорошо, что таких людей в Милкином окружении было очень мало, можно сказать, что и вовсе не было. А Дрель – это скорее исключение из правил, как ложка уксуса в салате, куда ж без него!

Ну и, в-третьих, сегодня был день рождения ее дочери, ее Аллусика, которой сегодня стукнуло уже двадцать лет! Целых двадцать! Как быстро летит время, но это нисколько не огорчает, а наоборот, радует! Дочь уже выросла, незаметно стала взрослой, обрела самостоятельность. Учится в Московском университете, в прошлом году вышла там замуж за своего сокурсника и теперь они вместе с мужем Максом увлеченно занимаются своим любимым делом – программированием. Хорошие они ребята – молодые, симпатичные, с чувством юмора! И все свои проблемы стараются решить самостоятельно, не задавая лишних вопросов родителям. Им тоже, как и Федору, хочется в глазах родных выглядеть взрослыми и уверенными. И ведь получается же! Звезд с неба не хватают, но нормально учатся, даже успевают подрабатывать, пишут компьютерные программы, сами оплачивают съемную квартиру и вообще позиционируют себя современными, независимыми, самодостаточными личностями со здоровым тщеславием и высоким уровнем амбиций. Мила уважала такие качества в людях, поэтому тайно одинаково гордилась детьми – и своей дочерью Аллусей, и своим зятем, Максимом.

Дочь настойчиво приглашала родителей к себе в гости, в Москву, но Милка все откладывала поездку, не хотела досаждать и мешать молодой семье своим присутствием, хотя чего там скрывать – поехать, конечно, хотелось бы, ведь Москва это же тот город, в котором Мила родилась, жила и училась, пока не вышла замуж, но теперь ее дом здесь, в Ярославле, а теперь вот она же еще и работать начала, так что сейчас-то точно никак. Но о дочери она помнила всегда и частенько созванивалась с Аллой по скайпу.

Вот и сегодня, на радостях, поднялась ни свет, ни заря, поздравила еще сонную дочурку, пожелала ей взаимной любви и женской привлекательности. И, зарядившись радостью от общения, в порыве вдохновения, испекла целую гору румяных и самых вкусных в мире и тающих во рту булочек – синнабонов и часть из них упаковала в коробку, чтобы унести на работу в книжный магазин и угостить выпечкой своих коллег. Ну, такое у нее вдруг внезапно появилось желание – порадовать других, пусть даже и таким незатейливым способом.

Муж предложил даже подвезти ее к книжному магазину, но она милостиво отклонила его порыв, сославшись на то, что сама доберется, и что у нее еще есть дела по дороге. Она не хотела признаваться мужу, что сегодня намеревалась забежать с утра в салон красоты, чтобы сделать себе стильную прическу. Мила накануне записалась в салон именно на раннее утро, чтобы ее там красиво причесали, и к девяти она могла успеть на работу и выглядеть в этот свой радостный день на все сто! А почему бы и нет? Ведь она – мама, и день рождения дочери, это же почти ее собственный день рождения! И она, к тому же, еще очень «молодая и восхитительная женщина»!

Да именно так о ней сказал один пожилой, но интересный мужчина, который в последний месяц стал, чуть ли не постоянным клиентом их магазина. Милка тайно надеялась, что причиной такого частого его посещения является именно она, а не те книжные новинки с детективами и ужастиками, которые в огромном количестве покупал этот галантный мужчина! Думать

так было приятно, и Милка непроизвольно улыбалась своим мыслям. Хорошо быть молодой и привлекательной женщиной, чего уж там!

Мила вообще в последний месяц все время радовалась! Всему! И всем улыбалась, и со всеми шутила. В ней появилось столько энергии и жизненных сил, словно ей опять двадцать лет, как их дочери! Чудеса, да и только! Даже влюбиться захотелось, правда в кого – она не задумывалась, просто появилось желание любить и быть любимой. Можно даже попробовать пофлиртовать с Владом, а что? Как говорится, потряхнуть стариной! Кстати, сегодня можно будет и поэкспериментировать, ведь вечером они с мужем, возможно, отправятся в ресторан и уже там выпьют вина и вместе порадуются за свою дочь.

О ресторане они пока не говорили, Влад почему-то утром не заикнулся об этом, он даже цветы ей не подарил по случаю дня рождения их Аллусика. Впервые, за все годы, не поздравил Милу, как маму. Она очень удивилась, конечно, и гнала от себя обиду на такое невнимание к себе, но старалась найти оправдание мужу – видимо проблемы на работе, в делах на фирме, вот и отвлекся, забыл, ушел в себя. И успехи жены ему были безразличны.

Они в последние месяцы даже спали отдельно, изредка пересекаясь в общей спальне, «чтобы не накапливались супружеские долги», как шутил Влад. На что Милке хотелось с сарказмом ответить, что она-то ему ничего не должна. Как-то странно было осознавать ей – молодой восхитительной женщине, что с ней спят только из-за какого-то долга. Какое-то унижительное чувство, честно говоря. Но что поделать, у мужа видимо наступил кризис среднего возраста, приходится считаться, хотя он-то с ней не слишком церемонится. Привычка и обыденность стала частым гостем в их семье.

Муж вообще в последнее время выглядел каким-то взвинченным, рассеянным, часто уединялся в ванной с телефоном, решал какие-то вопросы. Милка понимающе вздыхала тайком, но не задавала ненужных вопросов. Влад – руководитель фирмы, у него ответственная работа, с этим все понятно, жена не должна досаждать мужу, это она четко усвоила за долгие годы их брака. Просто он настолько погружен сейчас в свою работу, что ему не до семейных дат. Но что мешает Милке самой, первой пригласить Владика на свидание, на ужин? Ведь она чувствует себя сейчас вполне уверенной и смелой, а не той робкой и застенчивой, какой она ощущала себя в предыдущие годы, когда пребывала в статусе простой домохозяйки.

О, сейчас она совсем другая! Она современная молодая женщина, у которой есть работа, и есть своя собственная банковская карточка, деньги на которую ей кладет не муж, а ее работодатель. Ей перечисляют заработную плату! Здорово звучит, правда?! – Мила поймала себя на том, что радостно улыбается. – Значит что? Значит, она имеет полное право САМА назначать свидание, заказывать ужин в ресторане и даже его оплачивать! Ух, как круто, чувствовать себя такой независимой и уверенной!

В парикмахерском салоне ее средней длины волосы цвета молочного шоколада (в которых, кстати, до сих пор не появилось ни одного седого волоска!) уложили в стильную прическу – вертикальную ракушку. Милка оглядела себя со всех сторон и приятно удивилась – получился зрительный эффект того, что она обладает пышной и густой шевелюрой, настолько искусно мастер придала прическе объем и одновременно легкость, небрежность, женственность. Открытая шея стала казаться длиннее, а сама Мила выглядела стройной и изящной! Она поднялась из кресла и весело улыбнулась своему отражению.

На нее из зеркала сейчас глядела молоденькая женщина, да чего там скромничать – почти еще девушка!

В белой приталенной хлопковой итальянской блузке, узкой темно-серой юбке до колен, на шее – стильный чокер, на ногах – кожаные туфли на высоком каблуке – офисный вариант серьезного и ответственного работника был дополнен искусной прической и в итоге – вот она – модная, молодая и красивая! И какое там кому дело до того возраста, что кем-то указан в ее паспорте? Ведь всем известно, что женщина выглядит молодо только тогда, когда улыбаются

ее глаза. Глаза – это зеркало и отражение души! А Милкины глаза сейчас не просто улыбались, они весело и задорно хохотали от счастья и собственной привлекательности! И еще от уверенности в себе!

Да, именно так подумала она, подходя к своему книжному магазинчику, легко взбежала по его ступенькам и открыла входную дверь. Уф, успела – на часах было 8.59!

Покупатели еще не появились, и Мила открыла коробку с булочками, сноровисто вручила еще теплые синнабоны Тане, Оле и Федору. Затем забежала в кабинет к Семену Семеновичу, улыбаясь, спросила у него разрешения, чтобы наделить и его вкусной выпечкой. Семен благосклонно кивнул, и Мила постелила на директорский стол красивую льняную салфетку и выложила на нее оставшиеся, пахнущие корицей, ароматные булочки. Директор, этот взрослый мужчина, обрадовался, как ребенок, чуть ли ни в ладоши захлопал! Антонины, его жены – Дрели, к счастью, на работе не оказалось, и никто не помешал их директору радостно воскликнуть:

– Ну, Мила Николаевна, Вы восхитительная женщина! Мало того, что красивая и приятная, так и вдобавок, еще и такая замечательная хозяйка!

К его восторженным словам тут же присоединился и весь их коллектив, дружно жующий булочки и салютуя Миле бумажными стаканчиками с кофе.

В результате, получив заслуженную порцию комплиментов по поводу своего внешнего вида, вкусного угощения и выслушав поздравления с днем рождения дочери, воодушевленная Милка отправилась к своим стеллажам – расставлять и просматривать те новинки детективов и триллеров, что привезли на их склад накануне вечером. И все остальные коллеги, подкрепившись синнабонами, тоже дружно приступили к работе.

В магазине установилась вполне ощутимая приятная атмосфера. От такой атмосферы хотелось улыбаться без причин, радоваться всем людям на свете и даже кружиться в танце, но... (какие там танцы?!), впереди рабочий день, который, впрочем, тоже становился уже приятным. Иными словами, начавшийся день обещал быть хорошим!

Молодая женщина, «почти девушка!», была беззаботна и счастлива. Она увлеклась просмотром книжных новинок, как вдруг услышала, что ее позвала Дрель-Антонина. Ничего тревожного не возникло в голове у Милы, ни о чем плохом она не подумала и даже продолжала улыбаться, когда подходила к кабинету директора, откуда доносился пронзительный голос Дрели.

Она смело вошла в этот маленький кабинет и машинально поздоровалась:

– Доброе утро, Антонина Ивановна.

Милка не насторожилась даже когда взглянула на недовольное лицо жены директора, причем Дрель в этом кабинете почему-то находилась в одиночестве. «А куда, интересно, запропастился Семен Семенович? – мимоходом подумала Мила, оглядывая помещение. Но вот когда услышала от Антонины странные визгливые слова, то перестала улыбаться и буквально потеряла дар речи.

– Закройте дверь, ми-ии-лочка (слово «милочка» у Дрели прозвучало словно оскорбление). Незачем всему коллективу знать причину Вашего увольнения.

Вся беззаботность, радость, уверенность тут же улетучились, злые тучи сгустились, а легкость и атмосферность исчезли. Осталась лишь растерянность. Вот чего-чего, а такого Милка уж точно не ожидала – ее и вдруг увольняют... Почему, за что, по какой причине? О чем это там визжит их Дрель? Мила машинально закрыла дверь кабинета и уточнила:

– Что, все-таки, произошло, Антонина Ивановна?

– Ну, ты и нахалка! Ты еще и притворяешься? – брызгая слюной, словно змея ядом, прошипела Дрель.

Мила усилием воли взяла себя в руки, хотя руки вдруг противно задрожали, а по спине пополз холод, когда она взглянула в глаза Дрели. До чего же не любила Мила скандальных

и злых людей, ей всегда хотелось бежать подальше от таких особей. Но сейчас она была не готова уйти и оттого растерялась, а главное – у Милы не нашлось сил усмирить поток вот такого внезапного чужого гнева. А Дрель уже завелась, и ее было не унять и не остановить – тайфун проснулся!

– Это как называть? – визжала она и своим пальцем с кроваво красным лаком на ногте указывала на стол, на те булочки, которые Милка оставила для Семена Семеновича.

– Синнабоны, – испуганно прошептала Милка.

– Привораживаешь? Подкармливаешь? На мое место метишь? – Дрель шагнула к ней, громко и зло расхохоталась и этим же своим пальцем помахала у Милки перед лицом: – Не получится, не старайся. Ты уволена! – она сделала еще шаг вперед и Мила невольно отступила, попятилась. – И немедленно покинь наш магазин. Слышишь? Не-мед-ленно! Твои личные вещи я сама соберу, и Федор их тебе потом привезет, домой. Всё! Свободна! – выпалила она, словно выстрелила и вытолкала Милу из кабинета.

Так и не придя в себя от неожиданности и потрясения, Милка с сухими глазами и горящими от унижения щеками, закусив губу, на автопилоте шагнула за стеллаж, схватила свою сумочку, и не глядя по сторонам, и не замечая удивленных и застывших в молчании коллег, вылетела из магазина. Всё! Ее трудовая деятельность закончилась, ее выгнали ни за что, да еще с позором. Обалдеть.

«Хорошее, бодрое начало рабочего дня. Вернее, его окончание. Ну, ничего, сейчас я успокоюсь, всё обдумаю, позвоню Владу, и всё встанет на свои места, с головы на ноги!» – думала Милка, пытаясь быть оптимистом и, никого не замечая, шагала по тротуару, громко цокая каблучками. Она еще не до конца погрузилась в ту проблему, которую ей неожиданно «подарила» Дрель. Мозг отказывался страдать и переживать, все-таки она, Людмила Николаевна – взрослая и выдержанная молодая женщина и всякие там старые Дрели ей были не страшны.

Неожиданно на пути у Милки встретился магазин, в котором продавали алкоголь, и она решительно завернула в него. «Вот чем мы с Владом будем снимать стресс! – улыбнулась Мила, скользя глазами по стеллажам, и уверенно остановила свой выбор на шампанском брют. – И не собираюсь я расстраиваться из-за какой-то Дрели. У меня есть муж, у меня теперь есть трудовая книжка, которую мне вскоре привезет Федор (надеюсь, что и он, и девчонки не перестанут со мной дружить!) и у меня теперь есть шанс найти другую, более интересную работу. Вот так!»

Молодая женщина (почти девушка!) расплатилась за вино, повесила сумочку на длинном ремешке на плечо и не вызывая такси, пешком отправилась в сторону того места в городе, где находился офис, в котором работал ее муж. А чего спешить? У нее ведь теперь уйма свободного времени!

Милка шла по городу, по широкому тротуару тенистой центральной улицы, прижимала к груди бутылку купленного только что шампанского и рассуждала сама с собой. Она шла и прокручивала в голове – что и как скажет сейчас своему мужу о своем неожиданном увольнении. Интересно как он отреагирует? Рассердится или, наоборот, успокоит, поддержит, убедит в том, что все ее проблемы – это ерунда на постном масле и не стоит расстраиваться из-за такого незначительного события? Тем более что Мила ни в чем не виновата, Влад обязательно это поймет. Он умный, он непременно найдет правильные и нужные слова для нее. Да!

Она решительно тряхнула головой, затем осторожно провела рукой по своей красивой прическе – не растрепалась ли от такой тряски и заглянула в витрину магазина, разглядывая себя в ней, как в зеркале, и вдруг...

Вдруг ее взгляд выхватил знакомый силуэт, отразившийся в огромном стекле витрины. «Ну, надо же! Влад! В центре города, в разгар рабочего дня! Как же это здорово с его стороны оказаться именно здесь, в это время и в этом месте! Он меня любит! Он почувствовал, он

вышел мне навстречу! Как же он мне необходим именно в эту минуту! Значит, не зря я купила шампанское, это знак, интуиция меня не подвела! Сейчас мы с ним и разопьем вино за мою новую жизнь, и Владик провозгласит подходящий случаю тост, и найдет нужные слова, чтобы меня успокоить и отвлечь от неприятных и грустных мыслей!»

Она повернула голову и посмотрела на противоположную сторону улицы, где у огромной круглой тумбы с наклеенными на ней рекламными плакатами стоял ее муж. И уже начала улыбаться, и хотела руку поднять, чтобы помахать ему в знак приветствия, привлекая к себе внимание, но почему-то не стала махать, а просто замерла. Она рассматривала Влада сквозь проезжающие по дороге машины. Сквозь снующих в обе стороны прохожих и любовалась этим красивым мужчиной. И сама себе завидовала:

«Как ему идут костюмы, особенно вот этот, серого цвета, который муж купил себе неделю назад, в конце весны (костюм изумительно скрывал его наметившийся животик и сейчас Влад казался Милке особенным – почти стройным, с хорошей осанкой и крепкой фигурой). – И стрижка у него красивая, и лицо умное. Как же мне повезло быть замужем за таким мужчиной!»

Муж стоял на краю тротуара, у самой стены здания, а в руках у него был маленький, трогательный букет голубеньких цветов в оригинальной упаковке из свернутых в трубочку зеленых кленовых листьев. «Ух, ты! Как романтично! Как же он меня чувствует! Все мое настроение угадывает, как в молодости, заранее уже готов меня приободрить! – обрадовалась Милка, и почему-то, не раздумывая, достала из сумочки свой телефон и, улыбаясь, набрала номер Влада. – Устрою ему сюрприз», – решила она, вслушиваясь в короткие гудки вызова.

Она увидела, что муж удивленно взглянул на свой телефон и нехотя поднес трубку к уху, отвечая на ее звонок:

– Мила?

Но девушка не придавала значения такому его поведению, а тут же радостно произнесла:

– Владик, привет, ты где? – игриво зашебетала она, наблюдая за своим мужем, и... чуть не упала от слов, которые услышала от него в ответ:

– Странный вопрос с утра, дорогая. Где я могу быть? Я на работе, в своем кабинете, в офисе, разумеется.

– На работе? А почему... – она не находила слов и, пристально всматриваясь в его недовольное лицо, глупо спрашивала о какой-то ерунде: – Почему тогда так шумно и машины сигналят?

– У меня окно в кабинете открыто вот и шум. А ты чего, собственно, хотела? – раздраженно спросил Влад.

– Да, так, поговорить..., – промямлила Милка, не веря своим ушам и глазам.

– Дорогая, давай дома поговорим. А то у меня встреча с клиентом сейчас, важная. Всё, пока, прости, мать, не могу больше говорить. До вечера.

И отключился. И отвернулся, пристально высматривая кого-то среди прохожих, идущих ему навстречу.

А Милка, зажав телефон в руке, замерла не в силах сделать шаг и стояла посреди тротуара, как столб. Как тупой железобетонный бесчувственный столб, который огибали недовольные прохожие. Она отказывалась верить – и тому, что только что услышала и тому, что в ту же самую секунду увидела: к ее мужу, такому правильному и строгому в вопросах нравственности семьянину, стремительно подлетела молоденькая высокая светловолосая девушка – модная, порывистая, яркая, словно птичка и клюнула своими сочно накрашенными губами Владика в щеку. Тут же весело рассмеялась и собственническим движением, тоненьким пальчиком игриво стерла помаду с его щеки. Влад оживился и, смеясь, перехватив ее руку, поцеловал девушку в ладошку, протянул ей букетик цветов (который наивная Милка уже считала своим), и они, обнявшись, и никого не замечая, зашагали по улице. Она тупо проследила гла-

зами, как эти двое подошли к автомобилю (их семейному автомобилю!), как Владик помог девушке присесть на переднее сидение (там же всегда обычно сидела Милка!), сам тут же резво обежал машину, сел за руль и всё..., всё – они уехали. Как, куда, зачем?

Мила удивленно посмотрела на свой телефон, тряхнула головой, помотала ею в разные стороны, совершенно не заботясь о том, растреплются ли ее волосы, так тщательно уложенные парикмахером в красивую прическу. Это стало неважным. Она, всё еще отказываясь верить тому, что увидела только что своими собственными глазами, тихо прошептала, сама себе:

«Нет, нет, так не бывает! Да ну нет же! Владик не мог. У него важная встреча, он же сам сказал. Он же в офисе в кабинете. Он так сказал. И вдруг вот это? Он же никогда мне не врет. Не врал... Это что, он так все свои встречи с клиентами обставляет? С цветами и поцелуями?»

Время замерло, мир пошатнулся.

Словно во сне (как пишут во всех женских романах о таких неуверенных и выбитых из колеи жизни впечатлительных барышнях) Милка сдвинула себя с места и медленно потащила свое тело куда-то вперед.

Мила Николаевна – взрослая, почти сорокалетняя женщина, мама двадцатилетней замужней дочери, заботливая и верная жена, которая до вот этой самой минуты считала себя выдержанной, воспитанной, стрессоустойчивой и закаленной ко всем нападкам и ударам судьбы – растерялась. Второй раз за утро. Она оказалась совершенно не готова к таким сюрпризам и переменам в своей жизни. Она категорически отказывалась верить в то, что произошло с ней в этот начавшийся погожий летний день. Сначала ее незаслуженно обвинили в несуществующем флирте с начальником, а вот только что она наблюдала, как этот самый флирт у ее мужа-начальника выглядит со стороны. И надо сказать – то, что Милка увидела, радости ей не доставило, ни капельки. Ну, вот абсолютно она была не рада такому повороту.

Ноги не хотели идти, но сами по себе медленно шли куда-то вдоль по тротуару. Ноги жили отдельно от ее головы. Одна рука непроизвольно стискивала и прижимала к груди ставшую ненужной и нелепой бутылку шампанского, а вторая зажимала в кулаке молчащий телефон. По ногам била сумочка, которая сползла с ее плеча и болталась где-то в районе колена, но Милка этого не замечала. Не хотела замечать. Она вообще не представляла – что ей делать сейчас и куда идти. Как вообще жить. Думать об этом совершенно не хотелось. Она просто шла, шла, бездумно, бесцельно – идти, двигаться, хоть куда-нибудь, лишь бы не стоять на месте.

Молодая женщина не заметила, как свернула на другую улицу, и как толпа прохожих оттеснила ее к троллейбусной остановке. Она, оказывается, для чего-то села в троллейбус и даже проехала в нем несколько остановок. Обнаружила этот факт она лишь тогда, когда кто-то потряс ее за плечо и спросил:

– Ваш билет на проезд, дамочка. Предъявите!

Милка очнулась, изумленно оглянулась по сторонам, поняла, что сидит в троллейбусе, пожалала плечами и машинально полезла в сумку, чтобы достать и показать свой проездной, но... увы, кошелек в сумочке почему-то не оказалось. Как же так? Куда он запропастился? Милка ведь помнила, что он был, был в ее сумочке! Она ведь совсем недавно шампанское в магазине покупала и отчетливо помнила, как из кошелька доставала банковскую карту, чтобы расплатиться, и что кошелек она тогда положила обратно в сумку. Но его нет.... Странно. Из размышлений ее вывел тот же требовательный голос:

– Ну что, нашли? Или нет билета? – контролер радостно заулыбался и весело произнес: – Тогда платим штраф!

– У меня нет денег..., – растерянно ответила Милка и покраснела от стыда. Ей показалось, что в этот момент на нее с презрением смотрят все пассажиры и осуждают ее за то, что у нее нечем оплатить проезд.

– Тогда немедленно покиньте троллейбус и скажите спасибо, что я не отвел Вас в милицию! – гневно пророкотал контролер, стирая улыбку со своего лица, и дал команду водителю остановить троллейбус.

Окружавшие Милку пассажиры одобрительно загудели такому его решению. Сквозь гул голосов, она услышала, как какая-то бабка язвительно выговаривает:

– Ишь, фифа! На бутылку у ей денег хватило, а на билет нету.

– Дык, они все такие, чисто актрисы, хитрые! – кивая, вторил ей небритый мужичок в драных спортивных штанах и сомнительного вида помятом пиджаке.

Ни разу еще Мила Николаевна не чувствовала такого стыда, когда она, словно воришка, а вернее как посрамленный «безбилетный заяц», выскочила из остановившегося транспорта.

«Стыд и позор. А вдруг среди пассажиров были знакомые? Боже мой, что они обо мне подумают?» – с ужасом думала Милка и стремительно удалялась прочь от остановки.

Хотя какая теперь разница – кто и что о ней подумает. Для Милы наступил конец света. Полный тупик.

«Мир сошел с ума, или это я слетела с катушек? – пульсировало в ее голове. Она шла по тротуару с полужакрытыми глазами, боясь глядеть по сторонам, и шептала себе под нос. – А может я внезапно попала в иное измерение, в параллельный мир? Провалилась в черную дыру, и теперь я как Алиса в Зазеркалье? Я прежняя Мила или уже нет? Сегодня – точно третье июня две тысячи двадцать второго года?»

Кто-то из прохожих ее толкнул, на кого-то налетела она сама, кто-то гневно прошипел: «Смотри куда прешь!», кто-то вслед обозвал тупой алкоголичкой.

«Боже, скажи, что я сплю-юююю...», – слезы катились по щекам, мысли путались, хотелось одного – просто исчезнуть, раствориться, взорваться на атомы, не быть, да что угодно, лишь бы не чувствовать этот страх и эту боль души.

Она почти бежала, не разбирая дороги, уводя себя подальше от людей, а в голове трепыхалось: «Что со мной происходит? Почему так не везет? Я не хочу, я не хочу так жить, я не хочу жить...»

Никита – везет или не везет?

Сегодняшний ранний летний день несмотря на то, что выдался солнечным и теплым, показался Никите хмурым и унылым, даже почти серым. Накатила скука, как предвестник депрессии. Даже работать не хотелось, никаких идей в голову не приходило и мысли в этой голове тоже были серыми, в самых разнообразных мрачных серых тонах и оттенках. И все это происходило по независящим от него причинам. Целой веренице причин. Ну что за neprуха опять?

А ведь совсем недавно он еще был бодр и полон энергии и надеялся, что череда неприятностей закончилась. Вот, к примеру, буквально неделю назад, в мае, весело и беспечно отметил с друзьями свой день рождения, в котором ему исполнилось тридцать семь!

Он – молодой мужик, в меру образованный, в меру талантливый, в меру удачливый, в меру обаятельный, даже в меру нахальный – всего понемногу! Микс из умеренностей. Мистер «Умеренность»! – самокритично ерничал Никита. А хотелось бы называться иначе – вот так, поменять всего лишь одну букву в слове и превратиться в мистера «Уверенность». Глупые навивные детские мечты.

Он после своего дня рождения смело настроился жить по-другому, попробовать начать все сначала, как бы с чистого листа! А почему нет? Ни разу так не поступал, всегда смеялся над теми, кто пытался начать новую жизнь с понедельника, или с первого числа нового года, а тут неожиданно захотелось самому – изменить систему координат, поменять точку отсчета, отформатировать сознание – а вдруг получится?! Тем более что впереди маячила свобода!

И ничего не предвещало беды, и ничто, казалось, не могло омрачить настроения, и выбить его из колеи жизни – куда уж больше и дальше выбивать, и так хватило на его долю потрясений! Но так думалось тогда, весной. А как только наступило лето, так всё и изменилось – всего один телефонный звонок – и понеслось... Навалилась ежедневная серость, поглотила собою солнечный свет. Наваждение, колдовство, морок... Уже и не верилось, что когда-то Никита был бы рад такому звонку от женщины. Да что там звонку, он позабыл, когда вообще искренне радовался. Он даже не вспоминал о тех временах, когда раньше, в молодости, чувствовал себя постоянно счастливым, буквально – ежедневно! Да, было, но словно в прошлой жизни, или вообще не с ним...

Так он думал, стоя утром перед зеркалом в крошечной ванной чужой съемной квартиры-студии и пристально вглядываясь в свое отражение. Критически оглядев отросшую за неделю щетину, даже потянулся за бритвенным станком, повертел его в руке и... отложил в сторону. Почему? Да потому что так и не решил – нужно ли ему бриться или пусть все остается как есть. Он, заметив, что в собственных глазах промелькнула неуверенность, вдруг разозлился и чертыхнулся, вслух ругая себя:

– Ну вот, докатился – даже не могу самостоятельно определиться – что делать с собственной бородой. Зашибись! О каких там ещё будущих проектах мечтать, или планировать что-то? Слабак, неудачник», – прошипел он, всматриваясь в свое угрюмое лицо, отраженное в зеркале и от своего наблюдения неожиданно смутился, даже покраснел, а затем уже рассердился по-настоящему и, отвернувшись от зеркала, встал под холодный душ.

Это немного помогло – холодная вода взбодрила, и Никита, фыркая, словно тюлень в морской полынье, выключил воду, растерся полотенцем, надел свои удобные штаны со множеством карманов, и добавил к ним серую майку. Эту стильную майку ему подарил давний канадский приятель Тэд и она Никите очень нравилась. А еще она оказалась его талисманом. Никита заметил, что когда он надевает эту футболку, то все у него получается, и все вопросы решаются на «ура», и вообще все дела делаются с удовольствием. Ну, еще бы – с такой-то надписью! На майке красовалось всего лишь одно слово – «Enjoy».

Никому, никогда и ни за что Никита не признался бы, что как мальчишка, верит во всю эту чепуху со счастливой одеждой. Да, собственно, какое ему дело до других? Но себе-то врать он не мог. Себе он просто верил и всё! Как самый обычный человек, верил в удачное стечение обстоятельств, в то, что некие неведомые обереги существуют. А еще доверял своим ощущениям и присматривался к знакам судьбы. И даже немножко, совсем чуть-чуть надеялся, что удача когда-нибудь снова повернется к нему, подмигнет и улыбнется. Вновь, как раньше. Просто его удача – дама капризная, она где-то заблудилась, но обязательно вскоре отыщет дорогу к нему, к Никите, и нужно этой даме слегка помочь, привлечь ее, ну вот хотя бы такой стильной майкой!

Ну да, немного по-детски выглядит такая вера в чудеса у взрослого, брутального с виду мужика (кому скажи!), но порой Никита превращал себя в маленького мальчика, умеющего мечтать. И никто не мог запретить ему думать именно так. И фантазировать, и надеяться, вспоминая свое былое везение. Ведь когда-то же везло! Везло!

Да, может быть, вы и не поверите, но Никита с детских лет слыл по жизни везунчиком. Все вокруг так говорили.

Причем везло не только ему, но и всем тем, кто находился рядом с Никитой, близко, тесно с ним контактировал. Например, летом на даче, когда они с мальчишками, играя в войнушку, устроили на высоком старом дереве пункт наблюдения, и под ними неожиданно обломилась ветка, то они все вместе дружно грохнулись на землю, но Никита единственный из всех отделался лишь легкими синяками. А у друзей – то вывихи, то царапины на теле, но тоже незначительные. Хотя при таком падении – а он летел вниз головой, травмы неизбежно должны были быть иными. Обошлось без кровопролития! Повезло тогда всем, необычайно! Все их родители тогда так считали!

А если ребята гоняли мяч, играя в футбол, то команда, в которой участвовал Никита, непременно выигрывала. Всегда! Даже если при жеребьевке составов этой их команде доставались самые слабые игроки.

А как объяснить тот случай, когда их семейный автомобиль попал в аварию и слетел с дороги, несколько раз перевернувшись, и никто из родных, включая Никиту, не пострадал, абсолютно?! Хотя у их «Хонды» была смята крыша, и заклинило обе двери, и лобовое стекло вылетело, а у пассажиров – ни царапины, лишь легкий испуг и удивление. Никто, из тех водителей, которые оказались случайными свидетелями этой аварии, не могли поверить в такое чудо и качали головами, и говорили о них, что все в рубашках родились. А папа тогда, выбравшись из «Хонды», несколько раз обошел искореженный автомобиль и лишь изумленно пожимал плечами, но Никита уже тогда знал – что все обошлось, благодаря его везучести.

Про школьных приятелей, которые норовили во время контрольных работ непременно сесть за одну парту с Никитой, и говорить не стоит – у всех соседей по парте всегда в итоге были отличные оценки. «Никитос, ты ваще колдун!» – восхищались друзья. И вовсе они не списывали у Никиты, просто рядом с ним задание само как-то решалось в их головах и складывалось в правильные ответы. Чудеса!

И так во всем, таких примеров было множество, самых разных. Мальчика даже прозвали ходячим талисманом удачи, и каждый норовил быть поближе к нему, словно пытаясь зарядиться от него таким везением. А он лишь посмеивался, и, взрослея, уже не задавался вопросами «отчего и почему так?», он привычно ощущал свое собственное везение и радовался своей удачливости. И не жадничая, делился собой с людьми, именно как талисман. Но как умный и взрослый человек, конечно же понимал, что его жизнь просто так складывается, удачно, в его пользу и никогда своей везучестью не хвастался, но слава порой идет впереди нас.

А тогда, с детства, просто наслаждался тем, что ему почти всегда и почти во всем везет. Судите сами – он родился и вырос в Москве, пусть и не в богатой, но в интеллигентной дружной семье преподавателей. В плохую дворовую компанию не попал, надежными друзьями

оброс, хоть и не значился первым красавцем в классе, но девчонкам нравился, с учителями и со взрослыми людьми общий язык находил. Знания в школе и в университете давались ему, словно играючи, а он и не стремился ни в отличники, ни в передовики. Ему – любопытному и общительному, было все на свете интересно, а ведь мальчишкам для исследования жизни столько нужно успеть, столько опытов поставить, столько кружков и секций посетить, столько захватывающих книг прочесть! Парень, в результате своей постоянной разносторонней увлеченности, на выполнение домашнего задания выделял не больше часа своего свободного времени. Но и этого хватало, чтобы Никита с легкостью окончил школу, а затем и университет и, исполнив желание недалёковидных и непрактичных родителей, получил незамысловатую и о-о-очень расплывчатую и слабо востребованную в нашей стране специальность – «юрист». И...

Забросил свой диплом на самую дальнюю полку, а взамен купил навороченный фотоаппарат – профессиональный «Canon». И никому ничего не объясняя и ни перед кем не оправдываясь, на целый год пропал! Для общества, для семьи, для друзей!

Он отправился в путешествие! Он исполнял то, о чем мечтал, и на что у него раньше не хватало времени – он фотографировал жизнь! И не только фотографировал, он пробовал эту многогранную жизнь на вкус! Да он просто жил, вот и всё! По-настоящему ощущая свое счастье.

Он объездил страну с востока на запад и с севера на юг – ну не всю, разумеется, а побывал лишь там, на что ему хватило собственных денег. Ехал туда, куда внутренний навигатор подсказывал – иногда покупая билет на поезд или автобус, но чаще автостопом. И фотографировал, всё, что нравилось, и снимал на камеру, и находил удачные ракурсы! Сам!

Порой, чуть ли не на коленках ползал над понравившимся растением или букашкой, замирая от восторга. Или просыпался на рассвете, шел в поле и ложился на траву, чтобы заснять капельку росы, переливающуюся на солнце, словно бриллиант. Или вечерами взбирался на высокую заводскую трубу или старую водонапорную башню, чтобы с высоты птичьего полета поймать в объектив косые лучи оранжевого солнца на закате. Да мало ли красот на свете? Главное уметь их рассмотреть, запечатлеть объективом, найти удачный момент, поймать краткий волшебный миг, а это уже не каждому дано!

Никите повезло – он остро, на подсознании, не головой, а сердцем, душой чувствовал окружающую его красоту. И не ленился ходить пешком и добирался на попутках в самые отдаленные места нашей великой и необъятной страны. Он интересовался всем абсолютно, знакомился с самыми разными людьми, останавливаясь на ночлег в самых, порой, неожиданных для себя местах (один раз даже ночевал в стоге сена!). Он принимал любую реальность сегодняшнего дня своей жизни, но и, как самый обычный молодой пытливый парень, мечтал о будущем. Вот только, конечно, не о том, что будет работать по специальности – юристом! Вовсе не об этом.

Он, как ребенок, мечтал о том, как станет знаменитым, известным, востребованным фотохудожником. О том, как начнет зарабатывать собственные деньги; о том, как купит себе мотоцикл или автомобиль с высокой проходимостью, чтобы самостоятельно путешествовать на таком собственном транспорте; о том, как у него появится множество друзей-единомышленников, таких же творческих людей, увлеченных фотографией. Как ни крути, впереди целая жизнь, в ней его ждет столько приключений и открытий! О любимой девушке тоже мечтал, но не торопил события, это будет, ясное дело, потом, позже – первым делом, как говорится – самолеты! Вернее фотоработы!

Он был молод, наивен и амбициозен, согласитесь, кто из нас в его годы не был таким?!

Иными словами, Никита ощущал себя почти счастливым человеком, верил в собственную везучесть и практически не обращал внимания на неудобства и бытовые трудности, сопутствующие его в каждодневной жизни путешественника-отшельника. У него порой даже получалось зарабатывать себе на пропитание, помогая по хозяйству старикам и старушкам

во встречных деревнях, встречавшихся ему на пути. Мог даже неделями обходиться без денег. Выкручивался, одним словом! Но когда незаметно его финансовые запасы истончились, а потом и вовсе закончились, парень очнулся и, вернувшись, домой, в родную Москву, засел перед компьютером – чтобы доводить до совершенства тот материал, который удалось наснимать в своей первой самостоятельной «экспедиции». Он монтировал, шлифовал, создавал тематические альбомы, в которые группировал наиболее удачные снимки. Придумывал им оригинальные названия. А затем рассылал по различным инстанциям – на сайты, в журналы, в социальные сети, и даже в книжные издательства.

Он был настойчив и верил в успех, и как результат – его заметили! Редакторы пары-тройки весьма приличных глянцевого журналов пригласили на собеседование для личного знакомства и даже заключили договоры на публикацию его фоторабот на страницах журналов. Он даже на сайт фотохудожников в Канаду отправил свои фотографии. А там неожиданно обзавелся друзьями, благо английским владел, общался на нем, как на родном, умудряясь вполне остроумно шутить, описывая свои фотоработы (спасибо маме-преподавателю, научила языку, с детских лет!).

Дело пошло, какие-никакие деньги тоже появились. Родители не возмущались, не роптали, отнеслись к увлечению сына с пониманием. Жить Никите было легко, трудности не пугали, а наоборот бодрили, наделяли опытом и драйвом, закаляли мужской характер, учили контактировать с самыми разными людьми. С девушками тоже все складывалось удачно – легкие необременительные отношения, улетный секс, общие вкусы и интересы без особых претензий и обязательств. А в остальном, разумеется – юмор, путешествия, простая еда без изысков, удобная молодежная одежда – порой брендовая, а зачастую купленная в обычной торговой палатке на рынке. Ну и алкоголь – куда ж без него творческим людям?! Да, случалось, что, временами, в отсутствие креатива и вдохновения – накатывало уныние и тогда, как следствие – бессонные ночи и реки алкоголя, но, когда появлялась и накрывала с головой внезапная идея – мог месяц не притрагиваться ни к вину, ни даже к пиву. Вот тогда – только творчество, только созидание, только рождение очередного шедевра!

Его считали одаренным, пытливым, даже в чем-то талантливым. Один раз его пригласили участвовать в престижной фотовыставке, пару раз позвали на телевидение, его имя стало узнаваемым в узких кругах. От своей фамилии Вельский он даже придумал себе псевдоним – ник «Well» (хорошо!). Ну, всё хорошо, же!

Никита поверил в себя, и там же, в студии, во время съемки одной из передач о путешествиях, он познакомился с необычной, потрясающей Аленой. Девушкой, одновременно – нежной, застенчивой и, в то же время, энергичной, напористой – такие вот два несовместимых качества, которые присутствуют в одном человеке! И эта молоденькая девушка, которая с обожанием глядела на него своими темными глазами, вызывая у Никиты странные, неведомые ранее, ощущения, прочно поселилась в его голове и сердце, решительно и уверенно потеснив всех его предыдущих подруг. И вскоре они поженились.

Такая странная эта семейная жизнь...

Переда свадьбой, его бабуля Уля, с улыбкой глядя на счастливого внука, подарила Никите свою квартиру, расположенную в старом добротном московском доме почти в центре Москвы, на Смоленке, и перебралась жить к его родителям. И шепнула ему по секрету, что документы на квартиру она пока оставит у себя, и что одним из пунктов в ее дарственной значится – в будущем, квартира от Никиты может перейти только к его сыну! И шутливо потребовала с него честное слово никому-никому не рассказывать о своем условии! Его баб-Уля была еще той юмористкой, к ее саркастическим и странным шуткам уже давно привыкли, и Никита не придавал особого значения ее словам.

Парень просто ошалел от счастья, получив такой подарок. Он, замирая от предвкушения поскорее остаться со своей молодой женой наедине, наспех произвел в квартире небольшой косметический ремонт и гордо, и уверенно, на руках внес свою невесту через порог этой старенькой, но ставшей своей собственной квартиры. Отдельной московской квартиры! Что это было – удачное стечение обстоятельств, доброта любящей старушки или опять элементарно повезло?!

Так или иначе, Никита был счастлив! Он боготворил свою жену и считал ее счастливым лотерейным билетом, который выпал ему по воле судьбы. Его Алена – нежная и хрупкая девушка со светлыми волосами, опровергая расхожие стереотипы о природной глупости блондинок, была настолько умной, сообразительной, напористой и предприимчивой, что постепенно Никита уже не мыслил, как он мог жить раньше без своей мудрой жены.

Алена с первых дней стала требовательным начальником-руководителем в их молодой семье, а Никита оставался послушным и ответственным служащим-исполнителем. Постепенно, по всем возникающим у него вопросам он обращался только к жене, он привык консультироваться с ней, как с профессионалом. И ко всему сказанному ею внимательно прислушивался! Совершенно не задумываясь «отчего и почему так?», но он априори считал жену авторитетом для себя. Казалось, что эта девушка знает всё! И все свои поступки, и идеи мужчины всегда согласовывал только с женой.

Такое его поведение не рассматривалось им как мужское унижение и не предполагало поведения и статуса «подкаблучника». Нет. Для Никиты это стало нормой, быстро вошло в привычку, даже несколько бодрило, а получив очередной совет и «навигацию» от жены – он оживал и обретал собственную активность.

В то время, в начале семейной жизни парню как раз исполнилось тридцать – казалось, вся жизнь еще впереди – ясная и понятная, легкая, успешная, благополучная, счастливая. Но оказалось, что – показалось....

Вот тут-то, после свадьбы, все его везения и закончились. Пусть и не сразу, и не настолько резко, и не в один миг, но череда неприятностей с маниакальной настойчивостью, развиваясь по спирали, вверх (или вниз?), преследовала его все последующие годы, вплоть до нынешнего дня рождения, не позволяя ему расслабиться и расправить за спиной крылья, потрепанные судьбой и обстоятельствами.

Невезения накатывали постепенно. То несколько раз ломалась его фотокамера. То, когда он, путешествуя по Ярославской области, плыл на лодке по таинственной реке Сить и, высвобождая руки для весел, повесил свой любимый фотоаппарат себе на шею – на фотокамере оборвался ремешок, и она соскользнула по борту надувной лодки и стремительно ушла под воду. Он тогда чуть не выл от горя, но справился с потрясением, купил новый фотоаппарат, даже лучше, чем прежний.

Он потом отщелкал столько великолепных снимков, и с теми фотоработами занял призовое место на фотоконкурсе! Да вот только, спустя год, когда он, освобождая память камеры,

перегрузил с нее все снимки на свой старенький комп, то на следующий день в его компьютер неожиданно попал вирус (непонятно откуда прилетевший). И вся очередная работа коту под хвост – фото было не восстановить, как ни пытались ему в этом помочь знакомые программисты. Даже пришлось вскоре новый ноутбук покупать. Обидно было до детских слез и соплей, ведь он, как назло, не подумавши, еще и с флешки стер эти фото, не сохранил. Но усвоил науку, на будущее – Никита с тех пор все свои фотоработы многократно копировал и хранил на разных носителях, для подстраховки.

Ну а все остальные невезения в виде драки на кулаках с беспредельщиками, переломов рук, автомобильных аварий, укусов насекомых и змей или прочих жизненных нестыковок – он отбрасывал, не закикливался на них. Ну не везло, что поделаешь, бывает... Но о собственных неудачах думать и вспоминать не хотелось, может когда-нибудь потом...

Даже когда любимая баб-Уля несколько раз довольно резко отозвалась о его жене, Никита не внял словам бабушки, а принял сторону Алены, а с бабушкой отношения перешли в стадию холодной войны. Глупый юношеский максимализм.

И вот что странно, у Алены, наоборот, после их свадьбы дела довольно стремительно стали развиваться только вверх и только вперед. Она постепенно обретала уверенность в себе, стала еще красивей внешне, её речь стала дерзкой, её высказывания и суждения отличались от мнения других своих коллег «по цеху» в Останкино. У нее появился свой собственный стиль, как в одежде, внешности, так и в манере ведения программ. Иными словами, она выделялась, была непохожей ни на кого из ее окружения, она расцвела, словно цветок, наполненный влагой и жизненной энергией. Девушку заметили, с ней всё больше считались. Алена уверенно превратилась в весьма востребованную, яркую, модную ведущую и как результат – ей предложили место на одном из популярных телевизионных каналов. Ну а то, что она стала несколько несдержанной на язык и могла обидеть или нагрубить тому, кто не разделял ее точку зрения – ну что ж, каждый защищает себя, как умеет. Многие ее терпели, некоторые боялись, остальные просто старались не спорить.

В свете своей занятости и загруженности на работе вопрос о рождении ребенка Аленой пока не выносился на обсуждение – эта тема была отодвинута, закрыта, на неопределенное время. Никита удивился такому неженскому поведению жены, немного расстроился, потому что тайно уже мечтал о сынишке, но не настаивал, он и сам был не против немного повременить с детьми.

«Ну, хорошо, подождем! Просто сейчас не самое лучшее время заводить детей. У Аленки много работы, у нее сейчас пик популярности. А у меня дела не ахти. Ну что ж, так бывает в семьях – одному везет, другому нет. Закон равновесия», – считал Никита, гордясь своей женой и абсолютно не завидуя ее лидерству и успешности и не расстраиваясь таким обстоятельствам. И не задумываясь о том – куда же постепенно исчезает его собственная везучесть?

Парень вскоре перестал удивляться, он не роптал, он принимал собственные неудачи, как расплату за былые везения. Он даже как-то подумал, что видимо лимит удачи и везения, отпущенный лично ему, просто им уже исчерпан, авансом. Причем, чем больше Никите не везло, тем более удачливой становилась его жена. Многие это замечали и даже ему об этом говорили – кто намеками, кто впрямую, кто-то даже умудрялся донимать советами, но парень отмахивался от таких сентенций.

И кто знает, может быть, Никита так бы и жил дальше – смирился с действительностью и плыл по жизни по воле волн, находясь в тени и греясь в лучах славы своей жены, довольствуясь своими редкими личными успехами – чуть больше несчастный, чуть меньше счастливый молодой мужик. Ну что поделать – многие так живут.

Да, так могло бы быть.

Если бы год назад в одной из своих спонтанных экспедиций не произошла с ним одна весьма странная история, вернее, встреча.

А все началось с того, что Никита опоздал на поезд до Москвы. Ну, с кем не бывает. Банально, обыденно, ничего, казалось бы, странного. Однако маленькое словечко «бы» внесло коррективы в устоявшуюся жизнь.

Поздняя осень, глубокая ночь, провинциальный городок, маленькая узловая станция, гордо именуемая железнодорожным вокзалом, с которого парень планировал уехать домой. Он не был в Москве целый месяц, он надолго застрял в этой поездке, потому что, путешествуя по лесам и рекам Алтая, простудился и две недели провалялся в хижине лесника с жутким кашлем. Но, слава Богу, с собой были лекарства (случайно купил перед отъездом в привокзальной аптеке!), все обошлось, и вот он, ослабевший, но наполненный огромным желанием снова жить, спешил домой.

Он невероятно соскучился по жене, он почти никогда не уезжал из дому надолго – ему не хватало Алены, у него, как у наркомана случалась ломка, если он ее не видел, не слышал, не обнимал. Никита нуждался в ней, словно телефон в подзарядке, и отчаянно мечтал, хотя бы поговорить с ней, просто чтобы услышать на расстоянии ее нежный голосок, но мобильные телефоны в этой глуши были бесполезны, и ему так и не удалось дозвониться жене.

И еще, как назло, тот допотопный уазик, на котором его согласился довезти до этого железнодорожного вокзала один сомнительного вида мужик, внезапно сломался, прямо посреди дороги, в лесу. И этот безрукий водитель почти час ковырялся в двигателе своей развалюхи, пока эта древность не соизволила, наконец, завестись. Мужик, чувствуя свою вину перед пассажиром, гнал автомобиль на предельной скорости, но они все равно не успели – поезд ушел, а следующий ожидался только к утру. Ничего не поделаешь, не повезло, пришлось Никите коротать эти несколько часов на неудобных жестких креслах в зале ожидания этого железнодорожного вокзальчика.

От нечего делать, и чтобы не уснуть от усталости, парень, подавляя приступы кашля, пил воду из бутылки и разглядывал немногочисленных пассажиров, которые находились тут же, в маленьком помещении зала и вдруг встретился взглядом с женскими глазами. Ну ладно бы, просто с женскими. Посмотрел бы да отвернулся бы, что он, женских глаз не видел?! Не прыцавый же он подросток, чтоб бояться женщине в глаза глядеть. Но не тут-то было!

Это была не просто женщина – на него в упор смотрела пожилая цыганка. Когда-то в былые времена, женщина, несомненно, была очень красивой, а сейчас морщины избороздили ее лицо, покрыли паутиной так, словно на старинной вазе образовались трещины кракелюра. Казалось, что живыми и молодыми оставались лишь ее глаза и от этих глаз Никите не удалось отвести свой взгляд. Глаза этой цыганки словно прожгли дыру в его голове, они притянули Никиту к себе и он, не отдавая себе отчет, почему-то поднялся на ноги и подошел к старухе. Она молча показала ему рукой, унизанной старинными темными браслетами, на сидение рядом с собой и парень присел на краешек кресла и замер, не отводя своих глаз от ее лица. Цыганка вздохнула, усмехнулась и произнесла свою шаблонную фразу:

– Позолоти ручку, молодой и красивый, всю правду тебе скажу, что было, что будет.

Никита, не задумываясь, полез в карман, достал какую-то купюру и протянул ее женщине. Та забрала ее одной рукой, а второй тут же цепко ухватила за его руку и, повернув ее ладонью вверх, поднесла к своим глазам. Тихонько и мелодично звякнули старухины браслеты, Никита замер, боясь пошевелиться. Цыганка, не глядя на парня и храня молчание, долго рассматривала его руку, гладила своими пальцами ладонь, ощупывала все бугорки и линии, чуть ли ни носом по его руке водила. По лицу старой цыганки проносились тени, набрякшие веки дрожали, губы сжимались в ниточку, а затем она решительно подняла глаза и заговорила:

– Все твои беды от той черноволосой женщины, что рядом с тобой. Она пьет твою кровь, забирает твою энергию, твой успех, еще немного и она заберет твою жизнь. Это ее цель. Избавься от нее, и ты встряхнешься, оживешь. А не избавишься – сгинеешь, пропадешь! Даже

если это твоя мать, даже если жена – уезжай или разведись поскорей и не жалея о ведьме. Только поторопись.

– Эх, бабка, всё-то ты врешь, – недоверчиво сказал Никита, судорожно сглотнув и приходя в себя. – Может я бы тебе и поверил, ну в то, о чем ты сейчас говоришь, о моих бедах, но нет у меня никакой черноволосой женщины рядом. Мама – со светло-русыми волосами, и моя жена тоже не черноволосая и не ведьма, а очень даже симпатичная и самая настоящая натуральная блондинка. Красивая, белокожая девушка со светлыми волосами. Вот так! – Он усмехнулся и снисходительно добавил: – Так что не старайся, не вешай мне лапшу, поняла?

– Ах, наивный ты, касатик, – недовольным голосом протянула цыганка. – Совсем ничего не видишь вокруг, ничего не замечаешь! Открой глаза! Разве ты не знаешь, что ведьмы облик всегда меняют? Вот вернешься домой, сам убедишься!

Никита с сомнением покачал головой, и тогда старуха разозлилась и требовательно выдохнула:

– Позолоти-ка ручку, еще разок.

Никита, не глядя, достал из кармана и безропотно протянул ей еще одну купюру. А цыганка забрала деньги, криво усмехнулась и устало произнесла:

– Вижу, что добрый ты, хоть и глупый. За твою доброту скажу то, чего не хотела говорить. Ну да ладно, слушай – как только расстанешься с ведьмой, так сразу же и встретишь свою судьбу, – она посмотрела на его ладонь, покачала головой и из-под ее платка выбилась седая прядь волос. Старуха тяжело задышала и хрипло прошептала: – Вот только за эту встречу, касатик, испытания и тебя и ее ждут. Хотя... Нет, всё! – она оттолкнула от себя руку Никиты со словами: – Всё! Больше ничего не скажу, сам все поймешь. Иди.

Никита послушно поднялся, вернулся к своему креслу, опустил в него и... провалился в сон – краткий, легкий, без всяких сновидений, после которого очнулся бодрым и отдохнувшим, словно выздоровел в одночасье! Даже кашлять больше не хотелось. Он оглянулся по сторонам – вокруг ни души, взглянул на часы в телефоне, понял, что через несколько минут подойдет его поезд, и, подхватив свой рюкзак, вышел из душного зала ожидания на перрон этого маленького провинциального железнодорожного вокзала. Он стоял, курил и усмехался своим мыслям: «То ли во сне привиделась та цыганка, то ли в реальности она была, теперь и не разберешь. Наговорила какой-то ерунды, а я как лох почти поверил».

Но червячок сомнения всё же имел место быть и Никита, взглянув на телефон и увидев, что связь есть, почему-то решил не предупреждать жену о своем возвращении, не стал ей звонить и отключил телефон. Захотелось приехать вот так – неожиданным сюрпризом. Для чего, и сам не понимал (хотя в голове до сих пор звучали слова той неведомой цыганки), но решение такое принял и через сутки рано утром вернулся домой, в Москву, тихонько открыл дверь ключом и вошел в свою квартиру.

Нет, он не застал свою жену с любовником, и в квартире был порядок, и сонная жена, щурясь от яркой лампы, хоть и встретила его с растерянной улыбкой, но выпорхнула навстречу удивленной птичкой, обняла, прижалась, виновато прошептала, что немного приболела, и замерла. Все как бы хорошо!

Вот только Никита невольно вздрогнул, когда, обнимая свою любимую жену, прижался щекой к ее голове и увидел, что у его белокожей блондинки Аленки на голове чернеют отросшие корни ее светлых волос. Впервые увидел. Рассмотрел, вот так, близко.

Оказывается, его жена от рождения была черноволосая и всё то время, что он с ней был знаком, окрашивала свои черные волосы, искусно и уверенно представлялась Никите как натуральная блондинка! Зачем? Почему? Странная ложь...

Но раз столько времени она так старалась и маскировалась, то, как же допустила, что сейчас ее волосы отросли и почернели у корней? Решила рассекретиться? Или это она не успела их покрасить к приезду мужа, так как Никита вернулся домой без предупреждения?

Было от чего вздрогнуть и невольно вспомнить слова цыганки о черноволосой ведьме. Наваждение, которое хотелось прогнать, отмахнуться от него, как от осенней мухи...

Суровая безумная реальность

Озеро (или то был пруд?), в обрамлении светло зеленых ив, хаотично посаженных и перемежаемых другими деревьями, растущими вокруг водоема, блестело и переливалось на солнце. Милка стояла под деревьями и в замешательстве рассматривала ровную гладь воды, сочную зеленую траву на берегу, старую покосившуюся деревянную лавочку невдалеке.

Озеро? Откуда оно взялось? Нет, ну то, что городской водоем здесь был всегда, это понятно, не за ночь же он возник, неясно только как именно она – Мила здесь оказалась? Неожиданно. Ну и ну...

Милка, которая еще совсем недавно, буквально несколько часов назад, считавшая себя смелой, удачливой, молодой и красивой «восхитительной» женщиной (почти девушкой!) – вдруг очнулась, вздрогнула и ощутила себя старой теткой. Ну, словно старушкой без ума и памяти, совсем развалиной. На ум пришли все известные ей расстройства психики – болезнь Альцгеймера, деменция, паранойя.... Да, ну, нет..., не может быть..., или может?

Хотя... она и вдруг... озеро, ну как так.... Ого, куда ее занесло! И как только умудрились собственные ноги привести ее сюда!

«Как я сюда дошла? И главное ничего не помню! Я что – сошла с ума? Голова совсем не включалась, брела, словно во сне, как только под машину не угодила? Или боженька оберегает всех сумасшедших и бездумных?»

А то, что она – Мила является именно безголовой и безрассудной, в этом она почти не сомневалась, хотя и пыталась по обыкновению поднять свой жизненный тонус, размышляя о том, что настоящие сумасшедшие никогда не скажут так о себе и не признаются в том, что сошли с ума. Следовательно, у нее еще не все потеряно, еще есть шанс надеяться на то, что немного разума в ее голове странным образом сохранилось.

Она дотронулась рукой до своего лба, словно проверяя, на месте ли ее голова. «Какое счастье – голова имеется, значит ею можно думать!» – хмыкнула девушка. По давней, укоренившейся еще с институтских времен привычке – анализировать ситуацию и находить ответы на любые вопросы в задачке (зря, что ли, она пять лет училась на экономическом факультете, да еще и в КВН играла?!), Мила прошептала себе – «сейчас, сейчас» и направилась к видневшейся среди деревьев лавочке. И смело уселась на нее, даже не проверив, какое там сидение у этой лавки.

Никогда бы та, прежняя, вчерашняя Мила Николаевна так не поступила, она бы обязательно провела бумажной салфеткой по деревянным дощечкам, чтобы протереть их и убедиться, что все в порядке, можно присесть. Но нынешней, сегодняшней Милке было глубоко безразлично – чистые ли доски на этой лавке или нет. Такая мелочь просто не приходила сейчас в её голову – подумаешь, лавка! Перед ней стояли более значимые проблемы и вопросы – что и как делать и как ей жить дальше в свете всего того, что произошло сегодня. И возможна ли вообще эта самая, так называемая, дальнейшая жизнь.

Остатками ума она понимала, что с ее судьбой кто-то неведомый решил пошалить. А может, сглазили завистники? Ну а как еще можно назвать такую череду неприятностей, которые вдруг начали преследовать ее с сегодняшнего утра. Хотя, о чем это она? Нет, сглаз – это не про неё, она современная и прогрессивно мыслящая, без всяких там суеверий. Это просто странное недоразумение. Нужно немедленно разбираться!

«Так, что мы имеем? – начала размышлять Милка, поерзав на лавке, усаживаясь поудобнее. – Условие задачи: меня уволили с работы, у моего мужа молодая любовница и у меня украли кошелек. Ага, уравнение с тремя непонятками. Что там советуют оптимистичные психологи в подобных ситуациях? Найти что-то хорошее в плохом? И где оно это «хорошее»? – она вздохнула и задумалась. А потом, сама себе кивнула и, рассматривая себя, словно со сто-

роны, но никого и ничего не замечая вокруг, начала тихонько говорить вслух, разбивая ответ на пункты, как будто отвечала на экзамене:

– Уволили? – Обидно, конечно, когда вроде бы и не виновата ни в чем. Но спорить с Дре-лю и что-то ей доказывать – зачем? Не вижу никакого смысла. Просто сделаю шаг в сторону. Значит, настало время попробовать что-то новое. Значит, меня ждет другая работа! Сменим книги, как объект товарно-денежных отношений на другие бизнес-проекты.

– У мужа любовница, он изменил? Да еще и нагло соврал? – она произносила слова, словно абстрагируясь от негативных эмоций, представляя какую-то другую женщину, говорила, словно о ком-то другом, не имея в виду себя. Так думать было хоть немножко, но легче. – Вот негодяй! Как он мог так подло себя вести за спиной у жены? Где он научился так притворяться? Надо же, всё, как в этих дешевых книжных романах! – она вздохнула. – Интересно, а как долго он уже вот так поступает со мной – врет, хитрит, изменяет? – в голове промелькнули воспоминания о частых командировках мужа. О том, как он порой подолгу задерживался на работе, а придя домой, тут же ложился спать, ссылаясь на усталость, или сразу «нырял» в ванную комнату, уединившись там с телефоном.

Молодая женщина словно начала прозревать и уже видела себя на месте той, кому, в самом деле, изменил собственный муж и сама себе с сарказмом ответила: – А я еще жалела его, старалась создать ему комфорт и уют, восхищалась им, его ритмом жизни, его работоспособностью. Умилялась его выносливости, сочувствовала ему, что он вот даже дома не перестает о работе думать, постоянно на телефоне, постоянно какие-то переговоры ведет. Устает, бедняжка. Ну да, легко ли ему было на два любовных фронта жить? – она хмыкнула, стараясь не опуститься до жалости к самой себе, и от этого пыталась иронизировать: – Буквально не жалел себя, старался везде успеть, боец невидимого фронта! Вот и уставал. Видимо давно он так «воюет», на двух фронтах. Интересно, а как он цветы покупает – нам двоим одновременно – и мне и любовнице, или по очереди, по графику, по расписанию в своем органайзере, чтобы не запутаться? И спит с нами тоже по очереди? – Милка вздрогнула от отвращения, на миг, представив себе своего мужа в постели с чужой женщиной, но продолжала шептать вслух, распаляя в себе обиду. – С ней он веселый и внимательный, а со мной можно быть равнодушным, вежливо-сдержанным. Ну да, я ведь всего-навсего просто жена, всего лишь боевой проверенный товарищ, который выслушает, поймет, накормит, выдаст чистую одежду. Меня можно и вовсе не замечать, чего уж там. Он – мужчина. У него могут быть новые увлечения, новые знакомства, а я... А я даже не догадывалась о причине такой его холодности, особенно в последнее время.

Милка непроизвольно всхлипнула, но тут же тряхнула головой, прогоняя желание заревать и сменила тональность своих мыслей:

– А он оказывается у меня актер! Еще какой! И как ловко вжился в такие разноплановые роли – он и отец, и муж, и руководитель, и любовник! Всего несколько часов назад настолько уверенно говорил со мной по телефону, выдумывая на ходу важную встречу с клиентом. Видел бы он себя со стороны! Актеришка. Лжец. Наглый, эгоистичный. Значит, вот так он со мной, да? Значит, разлюбил, значит.... Что это значит? – она покусала губу, горько усмехнулась и неожиданно даже для себя самой, ответила: – Значит, пора менять мужа! – и вздрогнула от того, как произнесла эти слова – со злостью и холодной убежденностью.

Никогда раньше она о своем Владике так бы не то, что не сказала, даже не подумала бы. И вдруг нате вам! Опять эта всемогущая частица «бы»...

Мила же всегда верила мужу, она же все двадцать лет так старалась быть понимающей, заботливой, нетребовательной женой, она же его любит, у них же семья. Она привыкла так жить, именно с такой уверенностью в незыблемости и устойчивом постоянстве всего, что ее окружало. А судьба вот как повернула....

Странно, но после того, как Милка только что проговорила вслух свои сумбурные рассуждения о муже, то сразу почему-то мысль об измене Влада перестала быть нестерпимой и уже не несла боль ее душе. Куда жальче было украденный кошелек с банковской картой. И в сердце закарлись непривычные ростки сомнения:

– А я? Люблю ли я Влада? Или... больше не люблю? Ого, какие смелые умные мысли о муже приходят в мою глупую голову.... Не люблю? Ну и что с того, что я так сказала? Я же сошла с ума, значит, мне можно так думать!

Осмелев от своей злой решительности, Милка уже весело и со снисходительностью к самой себе, додумала:

– Кошелек украли? Да и пусть! Он уже старый, у него даже защелка сломана и из него все вываливалось, мне его Влад сто лет назад подарил. Денег там было совсем чуть-чуть. Банковскую карту только жаль, хотя..., – она тут же ойкнула, как девочка, и полезла рукой в карман юбки. И... вытащила свою банковскую карту! – Ух, ты! Оказывается, я в магазине ее машинально в карман положила, а не в кошелек! Вот оно хорошее, нашлось в плохом! – обрадовалась Милка и уже громче произнесла: «Ура!» и впервые за последние часы искренне и весело улыбнулась: – Самое время отметить!

Она с удивлением взглянула на бутылку шампанского, которую продолжала держать в своей руке, покачала головой, словно увидела эту бутылку впервые и хмыкнула:

– А что?! Вот прямо сейчас и отмечу новый поворот в моей жизни! И не стоит умничать, Людмила Николаевна, поняла?! Нужно глядеть на вещи проще. Горе случается только от ума, так даже классики считают! А кто я такая, чтобы спорить с классиками?! Умным быть невыгодно, это только дуракам всегда везет! Вот была б я стопроцентной дурой, вовсе бы не думала обо всем этом, и не гадала бы «люблю – не люблю», а тупо напилась бы и позабыла обо всем плохом.

Милка повертела бутылку, разглядывая ее со всех сторон и прикидывая как с ней поступить. «Так..., а как же мне его пить? Ни стакана нет, чтобы налить, ни конфетки, чтобы закусить.... Никогда не пила одна, тем более среди бела дня, на улице города. Можно, конечно, это сделать дома, но... как раз туда возвращаться не хочется. От слова совсем. Что же делать?» – задумалась она и растерялась, не находя ответа. И, подперев рукой подбородок, наклонилась, замерла, застыла, почти в позе Роденовской скульптуры «Мыслителя».

Сколько времени эта молодая женщина («почти еще девушка!») так просидела – она не заметила, а очнулась, лишь, когда ветерок взметнул выбившуюся из прически прядь волос и пощекотал ею по шее. Мила передернула плечами, подняла руку, чтобы убрать волосы и тут же вздрогнула от того, что над ней, прямо ей в ухо кто-то произнес:

– Дама желает выпить? Помочь?

Милка чуть ли не подпрыгнула на месте от неожиданности и развернулась всем телом в ту сторону, откуда доносились эти слова. И уставилась во все глаза на того человека, что стоял рядом с ее лавочкой.

А рядом с ней, оказывается, находился мужчина, незнакомый, но который кого-то ей смутно напоминал, вот только кого? Растерянной Милке трудно было определить это сейчас, вот так, навскидку, и она отмахнулась от собственных размышлений. «Потом подумаю, – решила она, рассматривая и оценивая незнакомца, который так ее напугал своим появлением и своими словами.

На вид парню было около тридцати пяти или возможно чуть больше – из-за наличия на его лице небольшой растительности (которую еще называют трехдневной щетиной!) и короткой бороды в придачу, возраст с точностью не определить. Лицо загоревшее, у местных такого загара еще нет, приезжий что ли? Среднего роста, средней внешности – не худой и не толстый, хотя выглядит сильным – плечи широкие, руки накачанные, бугрятся мышцами. Волосы средней длины, по цвету – типа «немного соли и много перца» – не поймешь, то ли

у парня уже седина появилась, то ли это результат модного мелирования, полученного от рук парикмахера. На первый взгляд – обычный мужчина, вот только глаза необычного синеватого оттенка. Красивые. И на Милку этот парень смотрит, вполне дружелюбно, не наглей.

Одет небрежно – в мятые широкие штаны цвета хаки со множеством карманов по бокам, в серую футболку с надписью на английском «Enjoy» («наслаждаться», ну надо же!). На ногах обычные кеды. На груди болтается внушительного вида фотоаппарат (или правильно говорить «фотокамера»?). Да уж, оригинальный тип! Что он там предлагает? Помощь? В чем?

А незнакомец вдруг улыбнулся и, начал пояснять:

– Вы так живо и задорно смотрели на эту самую бутылку, – он кивнул головой на шампанское: – ну типа с вождением, с затаенной мечтой. А еще, с таким голодным блеском в глазах, с аппетитом, что я даже сам захотел сделать ну хоть глоток этого напитка, и в реале почти ощутил – какое именно это шампанское на вкус.

– Вы ненормальный? – Милка с искренним интересом, бесстрашно оглядела парня с ног до головы еще раз, а потом вдруг обрадовано легонько хлопнула себя по лбу ладошкой: – А..., я поняла! Вы – алкоголик, да? – и она, кивнув, широким жестом протянула ему свою бутылку со словами: – Вот, возьмите, Вам нужнее.

– Да ну, что Вы, – засмутился вдруг парень и даже руками замахал, выражая протест и тут же начал оправдываться и быстро проговорил: – Я фотограф, ищу разные интересные моменты, чтобы запечатлеть их на свой фотоаппарат. У Вас видимо что-то в жизни произошло, ну такого, необычного, такого, что отразилось в Вас, в Вашей позе, в Вашем лице, глазах. И в Вашем облике в данный момент было столько неподдельности, столько натуральности в чувствах и эмоциях, что я не удержался и сделал пару снимков, простите. Но если Вы возражаете, я их удалю...

Милка слушала, открыв рот, завороченная его приятным голосом, и правильной грамотной речью, и некоторой эмоциональностью, и даже почувствовала исходившую от него энергетику. А потом, словно очнулась, тряхнула головой, отчего из ее прически выбилась очередная прядь, но она этого не заметила и тоже взмахнула рукой в ответ, со словами:

– Да ладно, проехали. Это Вы меня простите, что я вот так, не разобравшись, причислила Вас к маргиналам. Я просто, в самом деле, сегодня немного не в настроении, или не в себе, даже разговариваю сама с собой, типа сошла с ума, такая досада! – она хмыкнула и пожала плечами: – Вот и результат.

– Хотите об этом поговорить?

– А Вы что, еще и психолог?

– Почему психолог?

– Ну, так это же во всех фильмах показывают, что психологи постоянно так спрашивают – хотите, мол, поговорить о своих проблемах? И еще за эти разговоры потом требуют оплату своих услуг. Деньги на чужих проблемах зарабатывают. Жесть. Вы не находите?!

– Нет, я не психолог, и деньги таким образом не зарабатываю, но Вы можете выговориться мне, как незнакомому попутчику в поезде, сбросить с себя груз эмоций, а вдруг легче станет?

– А Вы уверены, что хотите именно выслушать? – недоверчиво спросила Милка, поражаясь неожиданному и необычному налету светскости в тоне их беседы, а получив от мужчины согласный кивок головой, она усмехнулась и, забавляясь, импульсивно выпалила: – Заметьте, не я это предложила! Ну, тогда слушайте – Дрель меня уволила с работы за то, что я якобы совращала её мужа, нашего директора. А я никого не совращала, вот еще! нужен он мне! Дрель – это заместитель директора книжного магазина, в котором я работала. Такая несимпатичная мадам, следует заметить. Ну да ладно. Затем, у меня из сумки неизвестный воришка украл кошелек. Деньги – тю-тю! Но я это обнаружила только тогда, когда ко мне подошел контролер. Я ехала в троллейбусе, – пояснила она, перехватывая удивленный взгляд парня, и продолжила: – Меня выставили с позором из троллейбуса, как злостного нарушителя обще-

ственного порядка за безбилетный проезд. Впервые, представляете?! Такой позор! А мне ни билет, ни штраф было не оплатить – кошелька-то нет. Ну и вдобавок ко всему – я узнала, что мне изменяет муж. Неожиданно узнала и даже увидела своими глазами. Неприятно, признаюсь вам честно. – Мила вздохнула и доверительным тоном, порывисто продолжила: – А еще, как результат моего мыслительного процесса – я внезапно поняла, что совершенно не хочу больше жить. Потому что не понимаю, как я это буду делать. Дальше. Как, где, с кем? Вообще ничего не хочу. Как там молодежь нынче говорит в таких случаях? – Зашибись? Вот именно так!

Милка протараторила все это без остановки, боясь, что ее не дослушают, прервут, и когда закончила говорить, то глубоко вздохнула, отвернулась в сторону и горько усмехнулась. А потом перевела пылающие глаза на незнакомца, который во время всего ее монолога не проронил ни слова, и вдруг, странно, но отчего-то мгновенно успокоилась, выпрямила спину, хитро улыбнулась и спросила спокойным тоном светской леди:

– Как Вам такой набор радостных женских впечатлений?! Самое время выпить шампанского! Как Вы полагаете?

– Ну, так пейте, раз хотите выпить! – кивнул ей парень, одобрительно оглядывая Милку, и восхищаясь ее умением владеть собой и своими эмоциями.

– И, да и нет! – со вздохом ответила Мила.

– В смысле?

– Ну, в том смысле, что Вы хоть и поможете мне открыть это мое шампанское, а налить-то не во что.... Вот сижу, мучаюсь над этой дилеммой.

– Тоже мне, проблема! – весело рассмеялся незнакомец. – Было бы «что» выпить, а «из чего» – это уже вторично! Пейте так! Пардон, из горла!

Милка удивленно взглянула на мужчину – Издевается, что ли или насмехается? Но нет, парень произнес это вполне дружелюбно, даже участливо. И она вдруг решилась:

– А знаете что? Я, пожалуй, Вас послушаю и именно так и поступлю! Меня уже ничем не удивить. Я шагнула в безумную полосу своей жизни. Шагнула сразу двумя ногами и, похоже, увязла! Так что хочу я или нет, но мне придется соответствовать – буду пить шампанское, впервые, именно вот так – «из горла». Абсурдно звучит, Вы не находите? – Милка упрямо и гордо вздернула подбородок, но ее глаза вдруг предательски наполнились слезами, и она невольно опять вздохнула и, виновато глядя на этого незнакомого парня, добавила: – Безумие. Но такова реальность.

– А поехали ко мне! – неожиданно сказал этот парень, у которого тоже подозрительно вдруг заблестели глаза.

– Вы намекаете, что я так низко пала? Что именно вот так я должна завершить свой безумный день – у Вас дома? С Вами? – она снисходительно оглядела его с ног до головы и обратно.

– Ну, зачем же так обижать мужчину? – покраснев, смутился он. – Я ведь от чистого сердца предлагаю Вам временное пристанище, крышу над головой, пресловутый ночлег, приют, если хотите. А вдруг случится так, что утром все проблемы будут выглядеть иначе?

Милка недоверчиво покачала головой, не найдя что ответить. А парень продолжал убеждать:

– Да и чего Вам делать дома, раз Вы говорите, что муж Вам изменил? Он явно не сознается ни в чем, будет врать, выкручиваться. Вам придется либо уличать его во лжи и измене, что-то доказывать, устраивать разборки со скандалом; либо делать вид, что Вы ему поверили и оставить все как есть. И то и другое плохо, – он кивнул головой и уверенно добавил: – Поехали лучше ко мне, отметим Ваши новые шаги в безумный мир! Сходить с ума в компании единомышленников намного веселее! Вы вот только шагнули в безумие, а я-то в этом безумном мире уже давно двумя ногами стою.

Парень произнес последние слова, вздохнул и замолчал, с ожиданием глядя на Милу.

А Милке хотелось закричать, или шандарахнуть бутылкой об эту лавку, на которой она сидела, или затопать ногами, или даже вскочить и, сняв туфли, босиком обежать сто кругов вокруг лавочки, чтобы проснуться, чтобы осознать, что всё, что происходит сейчас, это не сон, не триллер и не фэнтези и не бред сумасшедшего. Это все происходит с ней, здесь и сейчас. И что она вот так общается в реальности с таким же безумным человеком, как и она сама. И нужно что-то говорить, принимать какие-то решения, и совершать какие-то действия. Кто б сказал ей об этом вчера, что у нее так круто изменится ее налаженная, комфортная, стабильная и предсказуемая жизнь, никогда бы не поверила. Ни-ког-да!

Но мир перевернулся, черное стало белым, а белое выглядит черным. Или серым? Или всё же синим? Как глаза у этого вот незнакомого парня, который с такой настойчивостью приглашает ее к себе домой. Что он хочет там с ней сделать? Напоить? Изнасиловать? Убить? Да какая разница, раз ее собственный мир сошел с ума!

«Ладно, анализировать буду потом, если выживу. Поглядим, что будет, если я соглашусь с этим сумасшедшим. Как, кстати его зовут?» И словно услышав ее мысленный вопрос, парень сказал:

– Меня Никита зовут. А Вас?

– А меня Людмила Николаевна, – с достоинством ответила она, но тут же осознав, насколько сейчас в ее нынешнем состоянии и положении нелепо и пафосно звучит ее полное имя, поправила: – Но лучше, наверное, если Вы будете называть меня просто Милкой. Меня все друзья-знакомые так зовут.

– Как шоколад?! Замётано! – весело произнес Никита и протянул Миле свою открытую ладонь.

«Ну, спасибо, хоть не провел ассоциацию с коровой Милкой! Чувствовать себя шоколадкой – намного вкуснее! – подумала Мила и даже взбодрилась от такой его деликатности и понимания.

Она осторожно вложила в мужскую руку свою ладошку и удивилась, насколько мягкой и нежной оказалась у этого Никиты его рука. Рукопожатие вышло кратким, энергичным, крепким, но... приятным. Неожиданное ощущение. Хотя, как вы поняли, наша Милка уже ничему не удивлялась.

И впрямь, реальный мир кружился и настойчиво затягивал молодую неуверенную женщину в свой круговорот. В самом деле, отчего бы не перестать удивляться различным неожиданностям и непоняткам с нестыковками и просто не подчиниться?

Этот парень, который из статуса незнакомца плавно перешел в положение «странный-случайный-сумасшедший-знакомый по имени Никита», потянул Милу за руку и помог ей подняться, встать с лавочки. Она привстала, героически переступила с ноги на ногу и, лишь очутившись двумя ногами на твердой земле, растерялась, когда ощутила – насколько же она морально разбита и выбита из колеи. И ноги вдруг предательски задрожали. Мила не могла понять, что она испытывает по этому поводу. Или у нее есть смягчающие объяснения обстоятельствам? Ведь на нее столько всего и сразу свалилось сегодня! Но понимание того, что сейчас у нее и в руках, и в ногах появилась слабость чисто на физическом уровне – не прибавляло уверенности в себе и в своем решительном настрое – ехать неведомо куда, неведомо к кому.

Куда ехать, куда идти, когда ноги не держат и всю ее словно шатает? Что это? Последствия от перенесенного стресса? Она даже немного испугалась новому ощущению себя, такой непривычно немошной, словно больной. Ну, совсем немножко, чуть-чуть струсилa, но парень, словно почувствовав ее испуг, осторожно переложил ее руку себе на локоть, для опоры, и не торопясь шагнул в сторону, увлекая Милу за собой. И она повторила свой шаг за ним, а затем медленно переступила второй ногой и, слегка покачнувшись на каблуках, засеменила рядом с ним, принаравливаясь к его походке.

Вот так, не спеша, дружно, они зашагали по тропинке вдоль озера, в сторону дороги, у обочины которой стоял автомобиль. Причем это был не «просто автомобиль, в виде средства для передвижения», а очень даже интересный транспортный объект! Милка данный факт сразу отметила в своей голове, и в ее глазах загорелся огонек любопытства – что за машина, чья она? Неужели вот этого парня? Да ну?!

Никита, который улыбаясь, уже подвел молодую женщину к машине, остановился и в молчании замер. Мила переводила свой взгляд с парня на автомобиль и обратно.

Та, вчерашняя воспитанная Мила Николаевна никогда бы так явно не проявляла любопытство к чужим вещам, она же всегда считалась женщиной выдержанной и уравновешенной в эмоциях. Но сегодня ведь в ее жизни произошло столько изменений, следовательно, и сама Мила изменилась, разве нет?!

– Это Ваш? – нетерпеливо спросила теперешняя, сегодняшняя любопытная Милка, показывая пальцем на автомобиль.

– Ну да, мой Джипенок!

– Во как?! Впечатляет! – выдохнула Мила с восхищением в голосе.

Да, восхищалась она не напрасно: автомобиль Никиты выглядел впечатляюще – джип внедорожник, с открытым верхом, с красного цвета кузовом, с множеством фар самого разного размера, с мощными широкими колесами (или нужно говорить «широкой резиной»?!). Мужской брутальный автомобиль, который выглядел надежным, но одновременно, этот, как Никита его назвал – «Джипенок» не был большим и вызывающим. Нет!

Этот небольшой, компактный, неприхотливый хардкорный внедорожник «Jeep Wrangler», притягивал к себе и восхищал другими качествами – он как живой, словно урчал от удовольствия, подмигивал своими фарами-глазами, манил присесть на сидение и запустить двигатель! Он приглашал в путешествия – прокатиться с ветерком по ровной дороге вдоль моря, наслаждаясь морским соленым воздухом; или, наоборот, испытать экстрим, вдыхая пыль и промчавшись где-нибудь по бездорожью в степях Калмыкии. Он обещал не подвести и, если потребуется, уверенно вскарабкаться на гору в Дагестане или пробраться сквозь заросли где-то в чаще леса в Сибири.

Милка, обладая умением фантазировать, даже успела представить себе, как она, сидя за рулем в таком джипе, на скорости пересекает горный каменистый ручей, а из-под колес автомобиля вырывается целый фонтан брызг, переливающихся на солнце всеми цветами радуги. Красиво!

– Правда? Вам нравится?

Мила удивилась вопросу, а потом поняла, что последнее слово «красиво» она только что произвольно произнесла вслух. Но не смутилась этому, а радостно кивнула и, горя глазами, искренне повторила:

– Да, правда! Красивый автомобиль, очень! Только..., – она смущенно замолчала.

– Что-то не так? – Никита перестал улыбаться.

– Да всё так, только не очень удобно, наверное, использовать такую машину.

– Почему Вы так считаете?

– Ну, в городе – с открытым верхом... как-то небезопасно. Оставишь такую машину на дороге, вернешься – а ее уже ограбили.

– А, Вы вот о чем! – парень заметно расслабился и начал пояснять: – Так для города я верх натягиваю, это без проблем. Да и ничего ценного я в салоне не оставляю. Но, в любом случае, мой автомобиль предназначен вовсе не для городских улиц. Скажу Вам по секрету, что несмотря на то, что «Джипенок» – автомобиль с богатым наследием и возможностями для езды по любым поверхностям, он для меня не только транспорт, он – надежный друг-попутчик! И здорово меня выручает в моих поездках по стране, в которой поверьте, совсем не так много

асфальта на дорогах. Да и самих дорог маловато. И в этих красивых диких местах именно такой автомобиль особенно незаменим.

– Так Вы еще и путешествуете? Ну, надо же.... Завидую Вашему ритму жизни.

– Договорились! В следующую поездку беру Вас с собой! – парень широким приглашающим жестом открыл перед Милой дверь: – А пока, сейчас – двигаем ко мне, как условились? Пить шампанское, за новую жизнь! Покатили?

– Покатили! – уверенно повторила Милка новое, непривычное для себя слово, кивнула и весело беззаботно рассмеялась. Впервые за весь день! И с этой минуты совершенно перестала бояться грядущих перемен в ее жизни.

У Никиты

Джипенок плавно завелся, сыто заурчал и Никита, подмигнув улыбающейся Миле, уверенно направил автомобиль по дороге в сторону городских новостроек.

Как ни странно, но лишь только Мила пристегнулась ремнем безопасности, и, засунув за спину бутылку с шампанским, удобно устроилась на переднем сидении, рядом с водителем, как все ее страхи и сомнения остались где-то там, позади, в прошлом. А впереди ждала и манила совершенно другая, новая жизнь. И в этой новой дали и сама Мила превращалась в совсем иную «себя», в новую женщину. И эта новая Мила подумала:

«А впрочем, зачем так прозаично, безлико и анатомично говорить о себе – „женщина“? И вовсе не в чокнутую женщину я превращаюсь, и даже не в чопорную леди, а в обыкновенную девчонку – молодую, безбашенную, рисковую! Вот так!»

От такого осознания новой себя, Мила радостно кивнула Никите, который выехал на полупустую в это дневное время дорогу и понемногу увеличивал скорость. Автомобиль с легкостью отозвался на нажатие хозяином педали газа и сейчас летел вперед, словно птица.

Солнце высоко над ними светило и грело из всех своих солнечных сил. По голубому небу плыли белые облака, изображая разные замысловатые фигуры. Теплый ветер бил в лицо. Хорошо-то как! Лето!

Милкина прическа не удержалась и из нее нетерпеливо выбилась новая прядь, сначала одна, за ней другая и вот уже девушка сама помогла освободить свои волосы от шпилек и взмахнула головой, превращая свою былую строгую прическу в симпатичную молодежную растрепку. Освободившиеся волосы тут же попытались закрыть ей лицо и глаза, норовили набиться в рот, игриво щекотали ее шею и щеки. Волосы возомнили себя парусом на корабле, не иначе, и свободно разлетались на ветру.

Это было так весело – сравнивать себя с кораблем, что Мила, поглядывая по сторонам, просто смеялась без всякой причины и не пыталась заправлять эти волосы-паруса за уши! Ветер свободы и перемен – вот что ощутила молодая девчонка, сидя сейчас во внедорожнике и от переполняющих ее чувств, она подняла руки высоко над головой и весело вскрикнула:

– Эгей! Я свободна! Я лечу!

Никита, подхватывая ее настроение, заложил крутой вираж на повороте, и Милка, задыхаясь от восторга, кричала ему нечто непонятное на незнакомом самой себе, папуасском языке. Как ни странно, парень этот язык отлично понимал и вторил ей такими же выкриками! От радости единения и понимания Мила, уцепившись за ручку на двери, даже подпрыгивала на своем сидении, как маленькая девочка.

Ей было весело и беззаботно ехать так, здесь и сейчас, находясь рядом с незнакомым парнем в таком необычном автомобиле. До чего же хорошо!

Никогда бы та, прежняя Мила Николаевна не вела бы себя так безрассудно, сидя рядом с водителем – так же нельзя себя вести, это отвлекает мужчину от дороги. Но это было бы тогда, еще вчера. Но ведь раньше она и не ездила в таких странных автомобилях без крыш, с открытым верхом. А сегодня – едет! Раньше, рядом с Владом она была совсем другая – сдержанная в эмоциях, а сегодня... Она все узнаёт заново, возвращает себя в молодую пытливую жизнь, наверстывает упущенные возможности! Как же интересно жить, окунаясь в новые ощущения и получая новые впечатления. Ух, как здорово!

На очередном повороте Милкина сумочка соскользнула с ее колен, застежка щелкнула, сумка раскрылась, и ее содержимое вывалилось на коврик у ее ног.

– Потом соберем, – весело крикнул Никита, успокаивая Милу.

А новая девушка Мила, которая раньше, во вчерашнем прошлом, любившая во всем и везде порядок, сейчас и не собиралась расстраиваться. Подумаешь, рассыпалась всякая ерунда! Конечно, соберем, потом. А сейчас только вперед, только лететь и не отвлекаться!

Незаметно дорога свернула к микрорайону с серо-белыми девятиэтажками, и Никита плавно остановил Джипенок у подъезда одного из таких домов. Он обошел автомобиль, протянул Миле руку, помогая выйти. Девушка радостно откликнулась на этот жест. Ей так хотелось поделиться с парнем своими полученными впечатлениями от поездки, но вокруг, во дворе находились незнакомые люди, и Мила усилием воли сдержала свои порывы и просто в молчании нетерпеливо переступала с ноги на ногу, стоя рядом с автомобилем и прижимая к груди теплую бутылку с шампанским.

А Никита, в это время, нажав кнопку, поднял верх над автомобилем, закрепил его, затем нырнул головой в салон, сноровисто собрал в сумочку то, что рассыпалось и лежало на коврик под сидением, и протянул её Миле. Она благодарно кивнула ему, повесила сумочку на плечо, и они, взявшись за руки, как давние знакомые, весело переговариваясь, направились к входной двери подъезда серой многоэтажки.

Дребезжащий и постанывающий лифт поднял их на девятый последний этаж. Никита достал ключ, открыл дверь угловой квартиры и гостеприимным жестом распахнул ее перед Милой, приглашая девушку войти. Представьте – у нее (ну надо же!) в данный миг начисто отсутствовал страх, она даже забыла, что недавно пугалась от одной только мысли – ехать неизвестно к кому.

Новая смелая Мила решительно переступила порог и... оказалась сразу в комнате, которая показалась ей огромной. Никита щелкнул выключателем и в этой единственной комнате зажглись одновременно несколько светильников, освещая эту необычную квартиру.

Мила с любопытством оглядывалась по сторонам. Она никогда не бывала в таких квартирах, состоящих всего из одной комнаты, без всяких прихожих, холлов и отдельных кухонь. Неужели в таких квартирах можно жить?

Разного вида и размера лампы были расположены и под потолком, и у стены, и на полу, и даже под стеной-стеллажом. Да, и еще что удивительно – кухня тоже находилась в этой же комнате, она пряталась за стеллажом, который разделял комнату на две зоны. С одной его стороны стояли диван, кронштейн для одежды, стол и кресло. С другой стороны – электроплита, мойка, маленький стол, узкие навесные шкафы и небольшой холодильник. Всё! Очень мало мебели, никаких ковров, цветных подушек, безделушек или ваз с цветами. Даже штор на окнах не было, зато вместо них висели жалюзи.

Весь интерьер в этой квартире-студии, выдержанный в серо-коричневых тонах, не просто говорил, а кричал о том, что здесь живет одинокий мужчина, причем он живет здесь временно. Мила и сама не поняла – откуда у нее в голове появилась такая уверенность, но вот сложилось же такое впечатление «необжитости». А первое впечатление у нас обычно всегда бывает самым точным, не правда ли?!

Мила продолжала рассматривать эту необычную комнату, и оказалось, что в ней, помимо мебели, есть довольно много интересного, что сразу не бросилось в глаза. На столе в беспорядке (или в определенном мужском порядке!) размещались: ноутбук, еще один фотоаппарат, кинокамера, пара телефонов, флешки в огромном количестве, какие-то инструменты, провода и запчасти, ну и прочая дребедень, так любимая всеми мужчинами. На нижней полке в открытом стеллаже аккуратной стопкой была сложена одежда – майки, спортивные штаны (или костюмы?), куртки, кепки, а также лежали рюкзак, резиновые сапоги (причем чисто вымытые!), кроссовки, кеды и... гантели. На верхних полках стояли и лежали книги, кипы журналов и стопки компьютерных дисков.

«Такой странный джентльменский набор!» – мысленно хмыкнула Мила и перевела взгляд на стену над столом, а там..., там, на стене висел плакат постер, прикрепленный к этой стене

скотчем. И с плаката на Милу глядел сам Никита – в ковбойской шляпе, с платком на шее, с брутальной щетиной на лице, с задумчивым грустным взглядом своих невозможно красивых синих глаз и... с ромашкой в зубах. Или это не Никита, а кто тогда? Его двойник?

Ничего не понимая, девушка оглянулась и встретила с веселыми глазами хозяина этой квартиры. Он, оказывается, стоял у Милы за спиной, и с трудом, сдерживая смех, скрестив руки на груди, перекатывался с пятки на носок.

– Ты чего? – удивилась-возмутилась Мила такому его веселью, не заметив, что почему-то начала обращаться к парню на «ты».

– Просто радуюсь, что ты тоже купилась на этот плакат! – рассмеялся Никита, легко переходя на такое же «ты» и тут же спросил: – Похож?

– Ничего не понимаю, – растерялась Мила, глядя на Никиту и чуть ли, не ногой топнула от нетерпения: – Поясни немедленно, на что это я купилась и кто на кого похож?

– Поясняю по пунктам, – начал Никита: – На плакате изображен Дидье Бьенэмэ, французский актер. Здесь кстати фото из фильма «Турецкий гамбит». Смотрела этот фильм?

Милка растерянно кивнула, начиная постепенно понимать суть происходящего. А Никита продолжал:

– Все утверждают, что мы с французом похожи, как братья близнецы. И многие, когда видят этот плакат, думают, что на нем запечатлен я во всей своей красе во время моего очередного путешествия.

– Обалдеть! – выдохнула потрясенная Мила. – Теперь я поняла, почему тогда, у озера, подумала, что откуда-то тебя знаю. А оказывается, ты мне напомнил Дидье, по фильму, – она улыбнулась и повторила: – Обалдеть, как вы с ним похожи!

– Ты так считаешь? Я – романтик, да еще с цветком в зубах?! И как тебе такой сюрприз природы?!

– Потрясающий сюрприз! – радостно кивнула Мила и вздохнула: – И чего только не случается в нашем мире.

Видя, что девушка перестала растерянно переводить взгляд с фото Дидье на Никиту и начала улыбаться, он тут же превратился в гостеприимного и радушного хозяина и произнес:

– Тогда, добро пожаловать в мой безумный мир. В этой квартире всего лишь малая его часть! Но не самая худшая! Ты еще не передумала пить шампанское?

– Не передумала! А ты? Ой, – она испуганно всплеснула свободной рукой, удивленно взглянула на свое шампанское, которое так и продолжала прижимать к себе и, моргнув, уставилась на парня.

– Что? – переспросил он?

– А когда это мы так запросто перешли на «ты»?

– Тебя напрягает сей факт?

– Нет, но, как-то странно, быстро, я и не заметила....

– А! Я понял! Ты бы хотела сначала выпить со мной на брудершафт, и лишь потом перейти на «ты»?! – с иронией спросил Никита, сощурился своими смеющимися глазами. – Не расстраивайтесь, мадам, мы всё еще можем исправить!

– Да ну тебя! – махнула рукой Мила и весело рассмеялась, понимая, что парень просто шутит. – Давай уже без всяких условностей и брудершафтов. Видимо в моем безумном мире все себя так ведут, ну не так как принято. Вот и мы – сначала перешли на «ты», а уж затем, сейчас будем пить шампанское! Шиворот навыворот! Как в зазеркалье!

– Исходя из твоей логики «шиворота-навыворота» – перед бокалом шампанского мы должны поцеловаться, затем дружно выпить вино, а затем уверенно станем обращаться друг к другу уже на «вы»?! – произнес он серьезно и пристально взглянул на Милу.

Несколько секунд она изумленно смотрела в его синие глаза, а потом поняла, что ее разыгрывают! Этот парень, как две капли воды, похожий на французского красавца актера ее

банально троллит, но не в смысле желания унижить, или разозлить, а именно чтобы взбодрить, встряхнуть, удивить, оживить, в конце концов! Она даже осмелела от такого его участия в своей жизни и несмело улыbnулась этому парню, который тут же принял эстафету понимания того, что его раскусили, заулыбался и через миг... они уже хохотали, как сумасшедшие, до слез!

Этот смех снимал напряжение от такого их неожиданного и странного знакомства.

Этот смех сминал все преграды и настороженность по отношению друг к другу.

Этот смех одновременно раскрепощал и объединял двух этих разных людей.

Удивительные повороты и метаморфозы случаются порой. Но лично Мила уже ничему не удивлялась. Она ведь сегодня шагнула в безумный мир, в котором этот Никита, по его словам, уже давно стоит обеими ногами. Так что будем соответствовать тому миру, в котором находимся в данный период жизни! – решила она.

Никита потянул Милу за руку в ту сторону комнаты, в которой была оборудована кухня, на ходу спрашивая:

– И все-таки, как бы ты хотела выпить свое шампанское – с использованием бокала или все же как я и предлагал – из бутылки?

– А ты знаешь, давай попробуем пить из бутылки! – смело выпалила Мила и протянула Никите свою бутылку шампанского, которую она, как вошла в квартиру, так и не выпускала из рук. – Я никогда не пила шампанское из бутылки, хочу испытать – как это делается!

– Желание леди – закон для джентльмена! – хмыкнул Никита, доставая все-таки из настенного шкафа два тонких узких бокала, которые тут же отставил в сторону. Он, продолжая улыбаться, забрал у Милы шампанское, осторожно, с легким хлопком открыл бутылку и протянул ее девушке со словами: – Если дама настойчиво желает пить из бутылки, то хочу предупредить и предостеречь...

Но не успел Никита договорить, как Мила резким движением забрала у парня бутылку, стремительно поднесла ее к губам и сделала глоток, затем второй и... вдруг, напиток, сам, произвольно вырвался из бутылки и, шипя и пенясь, полился на девушку, заливая ей и нос, и волосы, и глаза. Мила от неожиданности, не смогла даже глотнуть вино и прыснула этим шампанским во все стороны. И тут же от страха дернула рукой, отстраняя бутылку от себя и... вино выплеснулось уже на парня, стоявшего рядом. В одно мгновение они оба были облиты этим злополучным игристым вином с головы до ног.

– Ох, нифига себе! – вскрикнули они одновременно, отряхиваясь и утирая лица руками. И отпрыгнули в стороны. И замерли, разглядывая друг друга.

Милка растерялась и с испугом уставилась на хозяина квартиры. Она была настолько ошеломлена таким неожиданным сюрпризом, что не знала, как поступить, что и как говорить. Да и что тут скажешь...

Никита, с изумлением и любопытством оглядывая девушку, произвольно хмыкнул. Настолько его потрясла комичность того, что только что произошло.

Секунду спустя, Миле стало ужасно стыдно от содеянного («да что ж мне так не везет!» – успела подумать она), но она тут же с негодованием глядя на парня, протянула ему злосчастную бутылку и начала возмущаться:

– Что я сделала не так? Почему оно вылилось?

– Потому что нельзя резко наклонять бутылку, – пояснил Никита, принимая из рук Милы бутылку с остатками вина.

– Как ты мог не предупредить, что так нельзя делать? – у Милы от обиды невольно на глаза навернулись слезы.

– Я тебя хотел предупредить, но не успел..., – виновато вздохнул Никита и добавил покаянно: – Прости...

– Ага, простишь тут тебя, когда я вся в этом шампанском теперь, – она обвела себя растопыренными липкими руками, и немного придя в себя, уже более миролюбиво, с иронией добавила. – Как есть чучело теперь.

– Не парься! Зато ты теперь приобрела опыт, – улыбнулся Никита. – И можешь смело заявлять всем, что ты специалист по распитию шампанского любыми способами.

После его слов Милка криво усмехнулась, а потом представила, как она сейчас выглядит со стороны и решила, что ни в коем случае не поддастся панике. Еще чего! Она умеет собой владеть, в любых стрессовых ситуациях, и в этой тоже сможет, вот только....

– Можно я приму душ? – сама от себя не ожидая, смело выпалила она. А заметив, как у Никиты удивленно округляются глаза, тут же жалобно добавила: – Ну, хотя бы умоюсь. У тебя есть в этой квартире место – где умыться?

– Ты не женщина, ты чудо! – качая головой, ответил ей Никита и неожиданно весело рассмеялся.

– Почему? – заряжаясь его весельем, улыбаясь, спросила Мила.

– Потому что у тебя и впрямь все шиворот навыворот! Без всяких поцелуев и сразу – раздеваться и в душ! О, современные нравы!

– Ну, вот такая – безумная и безнравственная леди попалась Вам, уж простите, что разрушаю Ваши представления о том, какой должна быть настоящая женщина.

Они опять не заметили, как их беседа стала принимать шутливый светский тон, а когда поняли это, то тут же развеселились неизвестно чему и мгновенно избавились от неловкости. Никита в самом естественном порыве подтолкнул Милу к двери, за которой находилась скромная ванная комната с душевой кабинкой и весело, с напускной строгостью, приказал:

– Жди, сейчас принесу полотенце и, так уж и быть, выделю для тебя свою рубашку. Заметь, новую! Себе берег, но коль уж у меня в гостях безумная леди, то, чего не пожалеешь!

– Благодарю! – учтиво произнесла девушка, и едва сдерживая смех, изобразила книксен, изящно приседая и придерживая липкими пальцами залитую вином юбку.

После этого, они оба прыснули, хмыкнули, посмеялись, отпустили еще по паре беззловбных шуток в адрес друг друга. Никита на английском, велел Миле расслабиться и жить проще – не париться и быть счастливой, а Мила, легко, также на английском ответила ему в тон, чем весьма удивила парня, и гордо кивнув, отправилась в душ – смывать с себя шампанское, которое она так неудачно попыталась выпить прямо из бутылки. Впервые в жизни!

Ну что ж, ее опыт не удался. Но отрицательный результат при проведении эксперимента, тоже результат! И вообще, чего она парится, в самом деле? Будет что вспомнить в старости, до которой еще далеко! А сейчас она чувствует себя молодой и пытливой девчонкой. Так что будем считать, что она прошла школу жизни!

Наскоро приняв душ, она освежила свои блузку и юбку и развесила их сушиться на полотенцедержателе. Надев новую полосатую хлопковую рубашку Никиты, которая доходила ей до середины бедер, Милка босиком уже смело шагнула в комнату и с вызовом взглянула на парня. А он, как ни в чем не, бывало, окинул взглядом ее фигуру, одобрительно кивнул, а затем подмигнул и тоже отправился в свою крохотную ванную – умываться.

Все, что происходило сейчас между этими двумя людьми, которые до сегодняшнего дня никогда не встречались, да и сегодня познакомились всего-то час назад, выглядело на удивление естественно и не вызывало стеснения, неудобства или неприятия.

Никита был само спокойствие, словно тот факт, что Мила щеголяет по его квартире в его рубашке – это нормально и выглядит как обычный и привычный эпизод.

Мила была сама невозмутимость – подумаешь она надела его рубашку! Сам виноват, нужно было сначала научить ее правилам распития шампанского из бутылки, а уж затем претензии предъявлять. И вообще, какие там претензии могут быть – он сам ее пригласил к себе, так что пусть терпит ее вот такую, как есть – безумную! А о былых страхах Мила вообще

позабыла – у нее из головы выветрились все опасения. Ей было просто интересно – что будет дальше?!

Через несколько минут, лишь только Никита, переодетый в светлый спортивный костюм, показался из душевой, вытирая мокрые волосы полотенцем, как раздался звонок в дверь. Мила недоуменно взглянула на парня, глазами спрашивая – «Кто это?», но он успокаивающе улыбнулся и открыл входную дверь, за которой, оказывается, стоял молодой паренек в желтой майке с надписью «Яндекс Маркет» с пакетами и коробкой в руке. Никита расписался в блокноте, протянутом пареньком, забрал у него доставку, вернулся в квартиру и направился к кухонному столу, на ходу поясняя:

– Пока леди изволили приводить себя в порядок, я взял на себя смелость и заказал для нас перекус. Нет возражений? – он поставил пакеты на стол и призывно кивнул Миле.

А Миле, как маленькой девочке, настолько вдруг стало любопытно, что там Никита заказал, пока она мылась в душе. Сюрприз! Влад почти никогда ничего не заказывал через доставку, обычно Мила сама все покупала в магазинах, и у них не было необходимости пользоваться такой услугой. А оказывается, можно вот так, не выходя из дома заказать что-то. Здорово-то как!

И она, отбрасывая всяческие условности, подлетела к столу и сунула нос в эти пакеты. В одном из пакетов находилась коробка, из которой доносился аппетитный запах.

– Ммм... пицца, да? – радостно глядя на Никиту, спросила Мила.

Тот кивнул, глядя в ее глаза.

Девушка заглянула во второй пакет и обнаружила в нем упаковку с сырной микс-овой нарезкой (ну почти сырная тарелка!), коробочку с клубникой, две большие шоколадки «Милка» («ну надо же, шоколад с моим именем!»), пакет с соком и... бутылку шампанского. Бутылка была точно с таким же шампанским брют, с которым у Милы только что произошел такой неудачный эксперимент. Разница заключалась лишь в том, что это шампанское было холодным, словно только что вынуто из морозилки.

Вы не представляете, как же эта молодая женщина, превратившись в девушку и уверенно начав позиционировать себя только именно как «девушка», обрадовалась такому незатейливому набору продуктов, который Никита заказал им для перекуса. И все это он заказал для нее, для незнакомого, по сути, человека?! И ведь угадал! Всё именно то, что Милка и любила! Она подняла восхищенный взгляд на парня и заметила, как он словно выдохнул напряжение и тоже заулыбался.

«Да он что, волновался, что ли? Переживал, понравится ли ей его заказ? Ну, надо же!», – пронеслось у девушки в голове

Такие эмоции у мужчин были Миле в новинку. Влад никогда не заморачивался тем, что понравится или не понравится именно ей. Он, конечно, не жалел для нее денег, но всегда говорил – «выбирай сама, что хочешь, я боюсь тебе не угодить». Такими странными выглядели теперь те его слова, что вспомнились ей в этот миг и которые раньше не вызывали у Милы удивления. Она внезапно и четко поняла – и ничего он не боялся, он просто уходил от принятия собственного решения и не стремился даже угадать, чего бы Мила хотела. И вообще, за годы их семейной жизни, он привык, что Мила всегда все продукты покупала сама, а он пользовался уже готовым. Но вот в чем вопрос – Мила-то знала все его вкусы и все предпочтения и всегда покупала именно то, что нравилось ее мужу. А он почему-то никогда не пытался узнать, что нравится именно ей. А Никита вот сходу угадал, даже с шоколадом угодил. Да....

Так интересно сравнивать разных мужчин, словно как в квесте, когда, разглядывая две похожие картинки, пытаешься найти десять отличий! Никогда в своей жизни она ни с кем не сравнивала своего мужа так, чтобы сравнение оказалось не в пользу Влада. Муж всегда был у нее на первых ролях и всегда в Милкином представлении выглядел лучше других мужчин. А оказывается, не всегда. У Милы, словно понемногу открывались глаза, и она начала видеть

мужа совсем с другой стороны. За сегодняшний день, уже в который раз его первенство на пьедестале пошатнулось. Или это испортились или сдвинулись в сторону ее розовые очки? Да, как ни горько осознавать, но в очередной раз своему мужу она поставила минус.

«Не буду об этом думать и играть в эти глупые сравнилки – кто там лучше или не лучше. О муже я подумаю потом, позже, это неизбежно, а сейчас меня ждет перекус и знакомство с этим необычным парнем, по имени Никита, мужчиной, так похожим на французского актера».

Милка подумала обо всем в одно мгновение и отбросила от себя все лишние мысли, и тут же ее руки принялись привычно вынимать еду из пакетов, а глаза искать посуду – на что бы это все красиво выложить (привычка – вторая натура, Мила любила красиво подавать к столу). К ее стараниям ненавязчиво присоединился Никита, и они в дружном слаженном тандеме быстро в четыре руки накрыли на стол, и Никита, хлопнув пробкой, разлил шампанское по бокалам, которые он держал в одной руке сразу оба, наклонно, на весу. Шампанское почти не пенилось и не пролилось ни капли! Милка восторженно захлопала в ладоши и благодарно приняла из рук парня протянутый ей бокал.

– За наши безумные миры! – с торжественностью в голосе провозгласил тост Никита. Он отпил глоток, и добавил задумчиво: – Может быть, когда-нибудь они пересекутся.

– Кто «они»? – спросила Мила, медленными глотками отпивая холодное приятное вино.

– Твой и мой мир. Я об этом.

– Ты знаешь, сегодня я убедилась, что все возможно в этом мире. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», – процитировала она.

– Шекспир, как всегда, в точку! – кивнул Никита, доливая шампанское в их бокалы. Он внимательно взглянул на Милу и вдруг сказал: – Давай за нас!

– Давай! – совершенно не удивляясь, согласно кивнула Мила и они, глядя другу в глаза, не сговариваясь, допили свои бокалы до дна.

Оба растерянно вздохнули, и неожиданно и одновременно их охватила неловкость – что дальше говорить, что делать? Вот такая одинаковая мысль возникла у них в голове, причем у каждого. И они, тут же, скрывая замешательство и отводя глаза, руками потянулись к пицце, столкнулись пальцами над коробкой, вздрогнули, взглянули друг на друга и... рассмеялись. Весело и свободно!

«Да что там думать – тоже мне, проблема, нужно жить, здесь и сейчас!» – несказанной фразой плескалось в их глазах.

– Налетай, пока не остыла! – смеясь, предложил Никита, беря кусочек пиццы, и с аппетитом и урчанием, откусил от него сразу половину.

– Мне оставь, обжорка! – подхватила веселье Мила и, выбрав из коробки самый большой кусок, тут же впилась в него зубами, с таким же урчанием: – Мммм, вкусно, – с набитым ртом прошепелявила она.

– И кто из нас обжорка?! – притворно ужаснулся Никита, беря второй кусок и одновременно наливая понемногу шампанского в бокалы. – За что, пьем?

– За вкус жизни! – провозгласила Милка свой любимый тост и, отсалютовав бокалом, смело выпила вино до дна!

Никита согласно кивнул и повторил за ней, выпив до дна.

Они, стоя у стола, с аппетитом ели пиццу, дружно на пять с плюсом оценили сыр и первую летнюю клубнику, за разговорами «ни о чем» выяснили, что оба самозабвенно любят жареную картошку и малосольные огурчики, а также малину и землянику, но чтоб «неприменно с куста!». Они смеялись и шутили, и не заметили, как допили вино. Атмосфера непринужденности и простоты витала вокруг них. Никита разломил шоколад на кусочки и, положив его перед Милой, спросил:

– Кофе?

– Да, с удовольствием! – кивнула Мила и предложила: – Сварить?

– Нет, я сам. Ты мой гость, – ответил он, доставая джезvu из настенного шкафа. – Иди, посиди пока на диване, я сварю и подам.

– Как здорово звучит твоё – «я подам»! – прижав руки к груди, выдохнула Мила, улыбаясь. Голова у нее была легкая от тех пузырьков в шампанском, которое она только что выпила. И мысли в этой голове тоже были легкими и приятными. И слова хотелось произносить тоже только хорошие и приятные для двоих. И то, что за ней ухаживают, тоже оказалось мило.

– А что, разве твой муж тебе не варит кофе? – удивленно спросил парень.

– Ну, почему же, варил, конечно, и когда-то даже приносил в постель, – она вздохнула и, тряхнув головой, растерянно добавила: – но уже давно и не варит, и не подает. Я как-то все больше сама себе готовлю – и кофе и все остальное, – и замолчала, закусив губу, понимая, что вновь начинает сравнивать этих двух разных мужчин.

Никита задумчиво на нее взглянул, тут же двумя руками взял ее за плечи, развернул ее в сторону дивана и нарочито весело приказал:

– Вот и лови момент, иди, садись, отдыхай и жди. Сегодня я на подаче!

И Мила послушно шагнула к дивану и уютно устроилась на нем, поджав под себя ноги и наблюдая сквозь стену открытого шкафа-стеллажа за тем, как Никита «на кухне» готовит для нее. И пусть это всего лишь кофе, но это же так приятно, когда о тебе заботятся!

Парень принес кофе в прозрачных стеклянных чашках и поставил их на стол, предварительно убрав с этого стола всё, что там находилось – и фотоаппараты, и телефоны, и флешки, и провода. Мила не удержалась и, показывая на ворох всех этих вещей, спросила у него:

– Зачем столько всего, ты что, занимаешься ремонтом гаджетов на дому?

На что Никита, усаживаясь рядом с ней на диван, смеясь, ответил:

– Леди невнимательна! Я же тебе говорил, там, у озера, что я – фотохудожник. А это мой рабочий инструмент.

– Вспомнила, вспомнила! – оживилась Мила и попросила: – Расскажи, как это – фотохудожник? Чем он отличается от просто фотографа и просто художника?

Сама того не подозревая, она своим вопросом доставила Никите огромное удовольствие (а, впрочем, что здесь удивительного? – мужчины любят говорить о своих делах и рассказывать о том, чем они увлечены!). И он сначала вкратце, а потом, всё более увлекаясь, и порой переходя на профессиональный язык со специфическими терминами, поведал ей в чем состоит предназначение фотохудожника.

Общение двух незнакомых, или – почти знакомых

Они сидели на огромном диване, уютно устроившись неподалеку друг от друга – с одной стороны как будто находились рядом и в то же время, находясь на отдалении, для того чтобы видеть глаза друг друга, чтобы прочесть в них – как отреагирует каждый на рассказы о себе.

Они даже в единодушном согласии отключили свои телефоны, чтобы те своими звонками не мешали их беседе.

Они пили кофе и сок, ели шоколад и разговаривали. Им было интересно слушать, слышать, узнавать что-то о собеседнике.

Мила слушала рассказ Никиты о своих увлечениях и по ходу рассказа задавала уйму вопросов. Она отлично умела и слушать, и слышать – у нее за то время, когда она была женой Влада, сложилась такая привычка – терпеливо выслушивать и сопереживать мужу. Но сейчас, общаясь с Никитой, ей было просто очень любопытно, она с радостью осознавала, что ей вовсе не нужно притворяться внимательным слушателем – девушке, в самом деле, было невероятно интересно! Она чувствовала себя легко и непринужденно, и тут же, не стыдясь прослыть невежей, живо интересовалась всем, что ей было непонятно. И не заметила, как увлеклась. Мила даже не подозревала, что работа фотохудожника столь интересна и многогранна, для нее рассказ Никиты стал настоящим открытием.

А Никита с юмором рассказывал о том, как неожиданно для всех и даже для самого себя, принял такое решение – отправиться фотографировать окружающий его мир. Без патетики и гордыни, простым языком поведал о том, как незаметно, этот красивый мир раскрылся перед ним. Поделится своими ощущениями и признался в том, что постепенно он все больше в него окунался и погружался, а в результате стал тем, кто он есть сейчас – фотохудожником.

– Ты не представляешь, Мил, сколь разнообразны были направления моей работы! Я хватался за всё и интересовался всем! Сначала я хотел стать специалистом по природной фотографии, ведь такие профи фотографируют природные ландшафты, диких животных и растения. Они часто работают на открытом воздухе и могут снимать для природных журналов, научных исследований и прочих проектов. И мне это нравилось и до сих пор нравится. Живой мир завораживает! Вот, например, ты видела когда-нибудь объемную фотографию капельки росы?

– Не-ет, – растерянно прошептала Мила.

– Жаль, это удивительное, потрясающее зрелище, особенно когда в этой капле отражается солнце! Я тебе потом покажу.

– Хорошо, – благодарно кивнула Мила и с восторгом спросила: – А что еще ты фотографировал?

– Много чего. Я искал себя, прислушивался к своим ощущениям и даже увлекся нестандартными фото по макро- и микросъемке. Ведь подобные специалисты фокусируются на создании изображений мельчайших объектов и деталей. И я это всё тоже пробовал делать, но быстро остыл и в итоге понял, что меня интересует другое.

– В смысле – другое? – удивилась Мила.

– Мне стали интересны люди, представляешь?! Обыкновенные люди, с их явным или скрытым выражением счастья или горя на лицах, с их невысказанными эмоциями, которые они, не позируя фотографу, проявляют своей позой, фигурой или мимикой. Или, наоборот, о своих эмоциях без слов кричат всеми клеточками своего тела, являют миру чувства взмахом безвольно повисших рук или безысходно поникших плеч.

Никита с волнением в голосе рассказывал Миле о том, что так долго держал в себе. Он словно освобождался от своей тайны. Он спешил поделиться своим сокровенным с девушкой,

которая так внимательно его слушала сейчас, и, волнуясь, не замечал, что невольно жестикулировал рукой, а в его синих глазах даже зажглись лучики экстаза:

– И еще я понял, что фотография, как средство для самовыражения, позволяет мне выражать себя через такое искусство и визуальные формы. Да, это не всегда получается, но это позволяет мне быть собой. Никого не копировать. Разумеется, даже простая фотография требует внимательного взгляда на детали, композицию и освещение. А фотохудожник должен еще и обладать обостренной способностью – видеть обыденные вещи в необычных ракурсах и уметь создавать уникальные композиции.

– Как интересно, Никит! – с восхищением воскликнула Мила. – А можно будет взглянуть на твои работы?

– Ну конечно, я с удовольствием тебя с ними познакомлю, потом, чуть позже, – успокаиваясь и снижая накал своей речи, ответил он, и на его лице вновь появилась улыбка.

– А ты используешь в своих работах Фотошоп или там новые технологии, нейросети, например? – решила проявить осведомленность Мила.

– Да, разумеется, новые технологии могут открывать дополнительные коммерческие возможности для фотохудожников, такие как создание контента для виртуальных миров, рекламных AR-кампаний и многих других. Но я – консерватор! И я уверен, что, несмотря на все изменения и достижения в науке, искусство фотографии всегда будет оставаться связанным с творчеством мастера и его особым восприятием мира, без прикрас. Даже если этот мир безумен. Понимаешь, мне интересно именно мое личное восприятие, как художника.

– И ты фотографируешь свой безумный мир?

– Да! Порой очень хорошо, порой очень плохо! – он понизил голос: – Иногда у меня получаются весьма удачные снимки, их отмечают на конкурсах и это приятно, черт возьми. Честно! А порой не все задуманное выглядит, так как хотелось. Но я не сдаюсь!

– А какова востребованность твоей работы?

– По-разному, Мил, – усмехнулся он, – Профессия фотохудожника востребована в современном мире благодаря своей важной роли в визуальной культуре, рекламе, медиа и личных событиях. И даже в наше беспокойное время всё больше компаний, организаций и частных лиц признают важность качественных и привлекательных фотографий для достижения своих целей и тогда у меня покупают мои работы, – он вздохнул. – Но тут как повезет, сама понимаешь – конкуренция! Как и в любой профессии, успех в фотографии требует усердия и целеустремленности. Те, кто готовы трудиться и постоянно совершенствовать свои навыки, могут достичь в этой области успеха. И я стараюсь держать руку на пульсе и соответствовать тому времени, в котором живу! В общих чертах моя жизнь выглядит так.

– Везет тебе! У тебя есть свое дело, свое увлечение, свое хобби! – воскликнула девушка. – А я вот как-то без всяких «хоббей» живу! – с грустным сарказмом добавила она.

– Нет, так не бывает. У тебя просто твое увлечение сидит глубоко внутри. Ты его еще не открыла, но поверь, в том безумном мире, в который ты попала, все очень быстро проявится, потерпи немного, и ты все увидишь и все поймешь!

– Не знаю, может ты и прав, но пока я себя никак не вижу. Никак и никем. А, ладно, не будем о грустном! Давай лучше о тебе! Расскажи еще! Твоя жизнь такая интересная!

– Ну не такая уж она и интересная, честно говоря, – усмехнулся Никита. – И не такой уж я везучий. Но, видишь ли, что я хочу тебе сказать – тот мир, который открылся передо мной во всем своем многообразии, с самых разных его сторон, позволил и мне самому более объемно, в широком диапазоне и в высоком разрешении разглядеть и тех людей, которые меня окружают. Видимо неспроста. И я неожиданно для себя понял, что не все они представляют собой именно то, какими себя подают, как пытаются выглядеть. Ну, вот как в стереокартинке, знаешь?

– Да, знаю, – кивнула Мила. – Это когда смотришь на плоское изображение с повторяющимся узором, на котором при определенной фокусировке зрения можно просматривать объемное трехмерное изображение.

– Так вот, я не сразу, но и свою жену увидел, с другой стороны, словно разглядел изнутри и очень многое понял. Очень болезненное понимание, нужно признать. Как-то странно и стыдно об этом говорить, мне – здоровому мужику, который жил, словно спал и ничего не замечал, хотя как фотохудожник должен был, и видеть, и понимать, но... Я все эти годы, жил совсем не с тем человеком, которого когда-то полюбил. И когда я проснулся, это уже оказалась совсем не та Алена, которая мне была дорога и вообще нужна, да и ей я, как выяснилось, был нужен лишь для своих определенных целей, но... не буду сейчас об этом, – Никита махнул рукой и грустно усмехнулся. – Знаешь, Мил, не люблю говорить о своей личной жизни, а тем более жаловаться кому-то. Но вот тебе скажу, мы же с тобой как попутчики в поезде, правда? – он сам себе кивнул и без всяких улыбок, блестя глазами, продолжил: – Я больше не смог так жить – в таком несоответствии, в таком разладе. В такой расфокусировке картинки. И я уехал сюда, в Ярославль. Принял решение и подал на развод. Думал всё быстро закончится, а этот процесс оказался довольно трудным, даже неприятным. Но я справлюсь, разрулю, обязательно.

Мила понимающе кивнула и никак не стала комментировать его слова-признания. Делиться с людьми своим личным это очень трудно. Она тоже не любила жаловаться кому-то на свою личную жизнь. А такое внезапное доверие со стороны Никиты нашло отклик в ее сердце, настроило на волну понимания. Захотелось самой выговориться. Наверное, поэтому, когда он попросил: – Расскажи о себе, – Мила с неожиданной для себя легкостью ответила:

– Встретились два одиночества – одно эгоистичное и самовлюбленное, второе наивно-доверчивое и нетребовательное. Одно позволяло себя любить, второе – любило без оглядки. Одно с огромным тщеславием, второе – с ярко выраженным самопожертвованием. Жили они, жили... довольно долго, вроде бы вместе, но как оказалось не вдвоем, а просто – рядом. И чаша терпения в этой семье медленно и неотвратимо наполнялась, и ты знаешь, я сегодня ощутила, что количество жидкости в этой моей, личной чаше подобралось к критической отметке – я не могу и не хочу больше жить в образе одного из таких одиночеств. Ты уже догадался, какое из одиночеств я представляю? И я, хоть не являюсь фотохудожником, но также как и ты неожиданно увидела своего мужа совершенно с другой стороны, в другом цвете. И поняла, что все эти годы он меня просто использовал, а я позволяла, – она сжала руки в кулачки и пытливо заглянула Никите в глаза: – Скажи, разве так можно жить в семье двум любящим людям? А если уже не любящим? Или все так живут, просто терпят друг друга? – Мила вздохнула и закончила свою исповедь: – А я не желаю больше терпеть.

– Ты насильно вышла замуж за этого человека или обстоятельства заставили?

– Что ты, Никит! – искренне возмутилась Мила. – Я вышла замуж за Влада по большой, ну, просто, по огромной любви! И очень долго находилась во власти его обаяния и воздействия. Я очень любила его. Во всяком случае, мне так казалось, что я люблю. Но понемногу мои глаза открывались, а сознание отказывалось принимать ту правду, что нас окружала, и я уходила в своем осознании в сторону, стараясь не замечать, насколько мой муж не такой, каким мне казался. В общем, моя жизнь была как в сказке – чем дальше, тем страшнее, и неизвестно чем бы все закончилось, если бы я сегодня сама не сбежала из того моего привычного реального мира в этот нереальный, – усмехнулась Мила.

– Ты любишь сказки? – неожиданно спросил Никита

– Люблю.

– И я люблю, с детства. Мама учила меня английскому языку и заставляла читать детские книжки на английском, а я тайком подсовывал под них книгу сказок и уже их читал взахлеб. И представлял себя в образе отважного рыцаря, или принца.

Она улыбнулась, представляя его сидящим на коне в рыцарских доспехах. Никита принял ее улыбку на свой счет и запальчиво воскликнул:

– Ты только не смейся, я же тогда был маленьким мальчиком. Хотя, порой этот мальчик во мне и сейчас просыпается и мечтает, и фантазирует!

– А о чем ты мечтал?

– Ты не представляешь, о чем я мечтал. О кошке! Или об огромном полосатом коте. Типа Матроскина, из мультфильма. Но Алена, то есть жена, категорически не желала заводить никаких котов. Она их на дух не переносила. Говорила, что у нее аллергия на кошачью шерсть. И я лишь спустя столько лет после нашей с ней семейной жизни, понял, что она врала. Нет и не было у нее никакой аллергии. Там другая причина.

– Представляю еще как! – покивала Мила и, успокаивающим жестом дотронулась до его руки, сжатой в кулак. – Я тоже всегда хотела иметь в квартире кошку. Или кота. Но Влад, то есть, муж был против всякой подобной живности. Ну, надо же, какие у нас с тобой одинаковые нереализованные мечты!

Они еще долго говорили обо всем и долго еще могли бы обсуждать, вот так, всякие, казалось бы, пустяки. Ведь для каждого из них любая тема, затронутая одним, тут же находила отклик и интерес у другого. Так бывает. Правда не у всех и не так уж часто встречается при общении между двумя, абсолютно незнакомыми ранее людьми. Но и у Милы, и у Никиты нашлись точки соприкосновения, и они с удовольствием проговорили бы всю ночь, в которую неожиданно превратился день, но...

Но усталость и нервность минувшего дня давала о себе знать, и Мила непроизвольно несколько раз зевнула и смущенно вздохнула, глядя на Никиту. И он тут же чутко отреагировал – вскочил с дивана и, потянув Милу за руки, поставил ее на ноги, а сам вытянул диванную петлю, скрытую в сидении, сноровисто разложил свой диван на всю ширину, бросил на него одеяло с подушками и сказал:

– Слушай, у тебя глаза закрываются, давай-ка ложись и постарайся уснуть. Завтра договорим и постараемся решить хоть часть проблем. Утро вечера мудренее, мне бабушка всегда так говорит.

– А ты?

– И я постараюсь поспать, – произнес он, усаживая Милу обратно. – Ты ложись на диване, а я себе спальный мешок на полу разверну. Я привычный, – а заметив, что Мила отрицательно машет головой, шутливо приказал: – И не возражай мужчине! Гордись, что я как верный рыцарь буду лежать у твоих ног, охраняя твой сон.

– Но..., – она испуганно взглянула на парня.

– Никаких «но». И перестань думать о всякой ерунде, – он хитро прищурился и весело воскликнул: – А-а, я понял! Ты считаешь, что я все еще юный прыщавый восьмиклассник, который не умеет держать свои эмоции в руках? И который болезненно реагирует на присутствие рядом с собой красивой девушки? И у которого в голове не мозги, а сплошной гормон? Так, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.